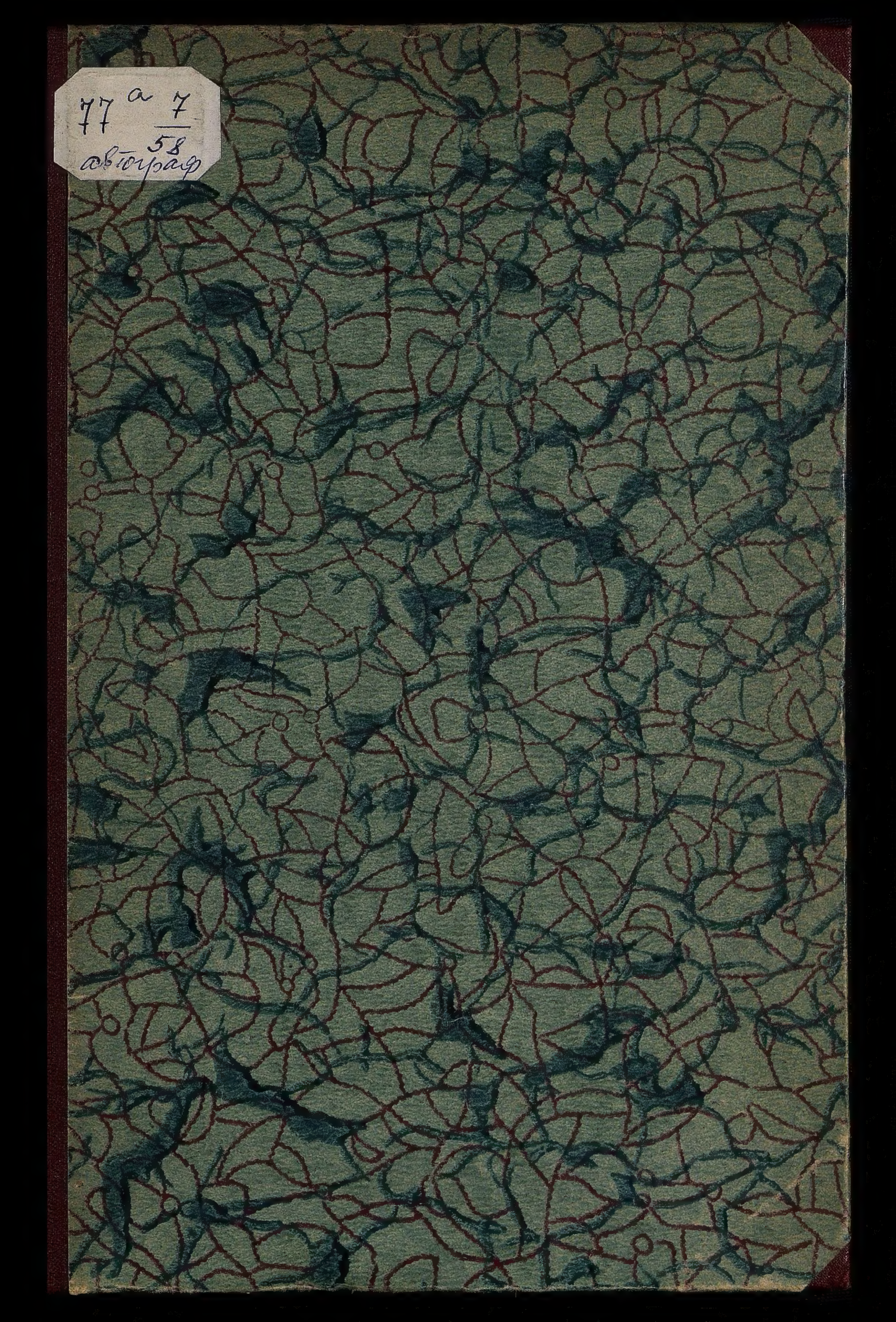
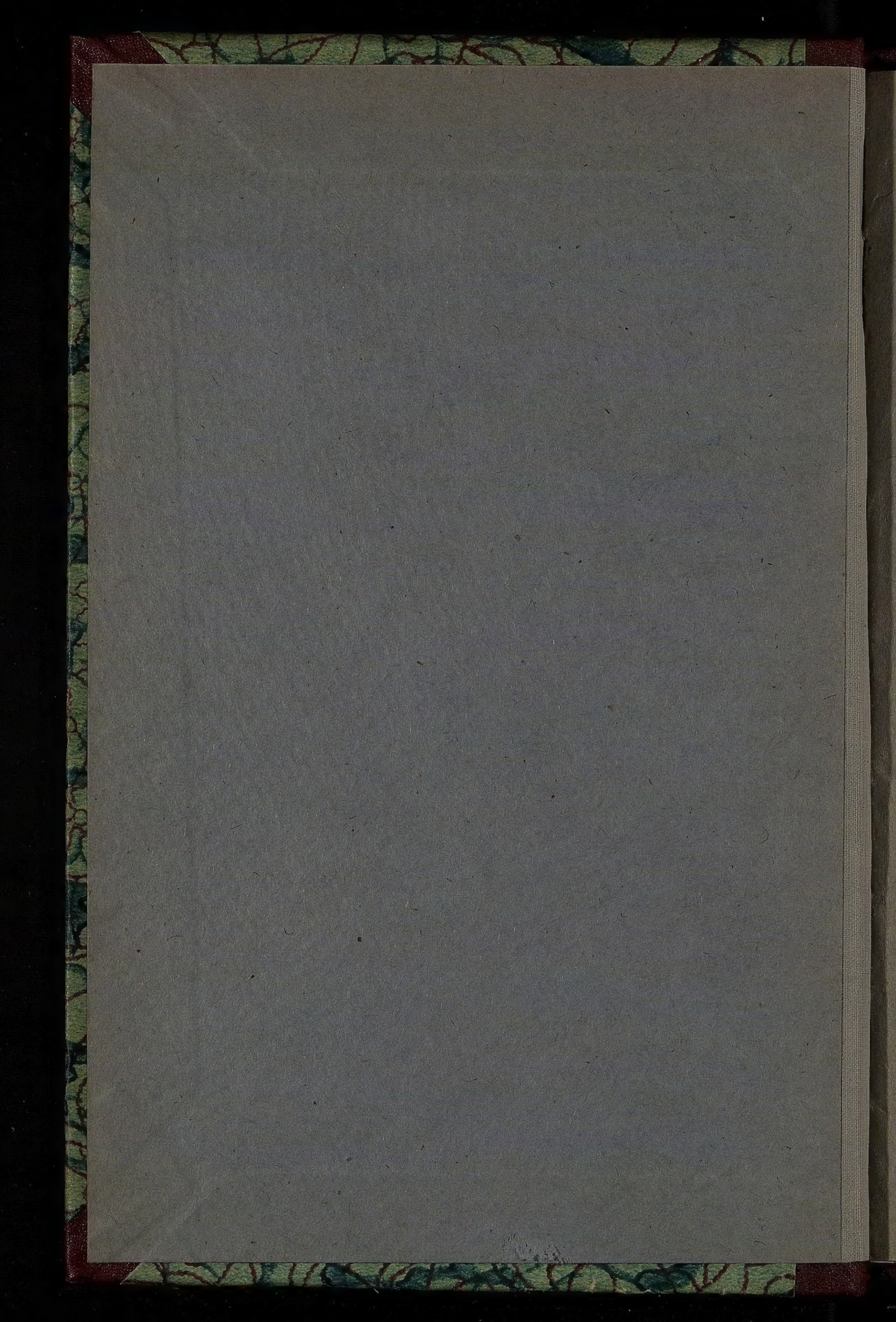
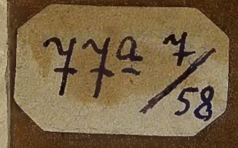

77 а 7
58
автограф

В. С. Иконниковъ.

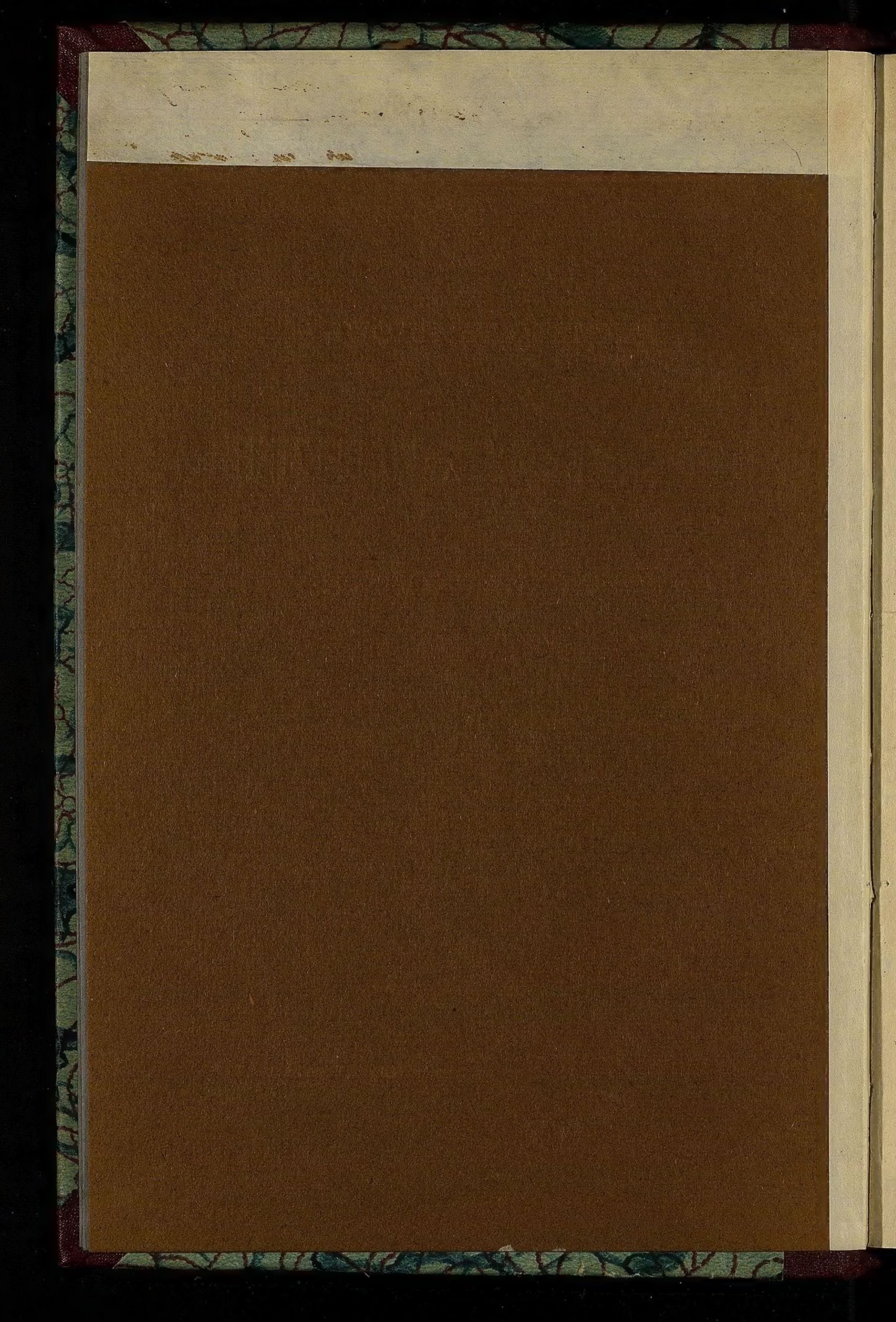
НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

ПО ВОПРОСАМЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Кіевъ, Меринговская № 6.
1916.

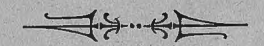
Ея Сіятельству Глубокоуважаемой Графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой отъ искренно преданнаго автора.

В. С. Иконниковъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

ПО ВОПРОСАМЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Кіевъ, Меринговская № 6.
1916.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1916 г.).

Нѣсколько замѣтокъ по вопросамъ Смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ.

I.

Вопросъ о личности Димитрія Самозванца въ послѣднее время снова сталъ привлекать вниманіе. Издаются матеріалы по дѣлу ц-ча Димитрія, перепечатывается угличское слѣдственное дѣло [1]); о. П. Пирлингъ, болѣе другихъ потрудившійся надъ изданіемъ крупныхъ и мелкихъ матеріаловъ и изслѣдованій въ области смутнаго времени, даетъ монографію о Димитріи Самозванцѣ [2]), въ которой имѣетъ ученое мужество стать на противоположную своей прежней точку зрѣнія въ столь щекотливомъ и важномъ вопросѣ по выясненію причинъ смуты; отъ времени до времени появляются новые документы [3]),

---

[1]) При книгѣ А. С. Суворина: „О Димитріи Самозванцѣ“, Критич.
очерки, съ приложеніемъ новаго списка слѣдств. дѣла о смерти ц-ча Ди-
митрія, Спб. 1906.—Угличское слѣдств. дѣло (рец. текста) 15 мая 1591 г.
(съ алфавит. указателемъ лицъ, упоминаемыхъ въ дѣлѣ, по изд. Собр. Го-
суд. Грамотъ, съ обозначеніемъ ихъ показаній, завѣщаніемъ Андр. Але-
ксандр. Нагого, описаніемъ документа, изслѣдованіемъ и 1 фототип. табл.)
И. С. Бѣляева (Чт. въ Общ. ист. 1907, I, 1—29). Вл. Клейнъ, Угличское
слѣдств. дѣло о смерти ц-ча Димитрія 15 мая 1591 г., М., 1913, ч. I, Ди-
пломатическое изслѣд. подлинника, ч. II, Фототипическое воспроизведеніе
подлинника и его транскрипція (54 фототип.).

[2]) Ср. изданія: Rome et Démétrius, P., 1878; La Russie et le S. Siège, III, P., 1901 (Р. Стар. 1901, №№ 4—12), P. Pierling, Dmitri dit le faux et les jésuites, Paris, 1913.

[3]) Серія матеріаловъ, извлеч. изъ иностран. архивовъ В. Н. Александренкомъ (напеч. Стар. и Нов., т. XIV). Поправки къ нимъ и др. Е. Ф. Шмурло (Ж. М. Н. Пр. 1915, №№ 7 и 12), касающіяся хронологіи, полноты текста, прежнихъ изданій тѣхъ же докум. и точности перевода.

замѣчанія и статьи, какъ прежнихъ [1]), такъ и новыхъ изслѣдователей, касающихся дѣла о событіи 1591 г. и личности сидѣвшаго на московскомъ престолѣ подъ именемъ Димитрія [2]).

Мы не имѣемъ въ виду касаться этого стараго вопроса во всей его полнотѣ. О его прежней постановкѣ намъ неоднократно приходилось говорить на страницахъ разныхъ изданій. Цѣль наша—указать на нѣкоторые незамѣченные штрихи, которые могутъ содѣйствовать до извѣстной степени освѣщенію не затронутыхъ еще сторонъ этого стараго и все еще не поконченнаго вопроса. Иниціатива въ изслѣдованіи его не принадлежитъ намъ. Мы были вызваны на это рядомъ запросовъ по поводу вышедшихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Вопросъ этотъ самъ собою распадается на двѣ части: 1) на событіе, имѣвшее мѣсто въ Угличѣ 15 мая 1591 г., и 2) въ связи съ нимъ—о личности такъ называемаго Димитрія Самозванца. Относительно перваго мы имѣемъ оффиціальный актъ—слѣдственное дѣло и повѣствованія лѣтописей и сказаній. На послѣднихъ въ значи-

---

[1]) Въ особенности нерѣдки были сообщенія гр. С. Д. Шереметева, посвятившаго тому же и близкимъ съ нимъ вопросамъ рядъ статей и изданій: 1) „Москов. трагедія“ (Tragoedia Moscovitica etc.), изд. Гревенрдрухомъ, основанная на разныхъ источникахъ и между прочимъ на „Повѣств.“ іез. Ант. Поссевина (по итал. изд. напеч. кн. М. А. Оболенскимъ въ Чт. Общ. ист. 1848—см. Бареццо-Барецци, съ рус. перев.), Спб., 1901 (латин. текстъ съ перев., по кельн. изд. 1608); 2) чешское изд. 1606 по латин. изд., Венеція, 1605, тип. Бареццо-Барецци (переизд. съ рус. перев. и предисл. В. А. Францовымъ), Прага, 1908 (тутъ же и о др. изд.)—„Историч. и правд. повѣствованіе“; 3) „Сборникъ матеріаловъ по рус. исторіи нач. XVII в.“, съ перев. и примѣч. И. М. Болдакова, Спб., 1896 (оффиц. переписка времени Б. Годунова и Димитрія и выписки изъ дѣлъ Копенг. архива; 4) Сэра Томаса Смита путеш. и пребыв. въ Россіи, 1604 — 1605, перев. и примѣч. И. М. Болдакова, Спб., 1893.

[2]) Кромѣ указанныхъ, см.: Г. А. Максимовичъ, Лжедмитрій I и вопросъ о его личности (Сборн. Нѣжин. Ист.-Фил. Инст., VIII, 41); Убіеніе ц ча Димитрія въ Угличѣ, Д. М. Глаголева (Р. Арх. 1902, № 3); Къ вопросу о смерти ц-ча Димитрія, И. С. Бѣляева (Р. Стар. 1913, № 4); А. И. Тюменевъ, Пересмотръ извѣстій о смерти ц-ча Димитрія (Ж. М. Н. Пр. 1908, №№ 5 и 6); Д. Г. Тюменевъ, Новѣйшія изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія, Ворон., 1908 (обзоръ литературы); Е. Ф. Шмурло, Замѣтки по исторіи Лжедимитрія I (Ж. М. Н. Пр. 1915, № 7 и 12); Tragedia moskiewska, Al. Brückner'a (Przegl. polski 1902; ср. Зап. Общ. Шевченка 1902, № 1,012); рядъ замѣтокъ и статей Пирлинга въ Рус. Старинѣ и отдѣльно: „Историч. статьи и замѣтки“, Спб., 1913; Лжедимитрій I, Васенка (Рус. Историч. Словарь), рец. Е. Н. Щепкина на 2-е изд. Древнерус. сказ. и повѣстей С. Ѳ. Платонова (Голосъ Мин. 1913, № 10). О другихъ см. далѣе.

тельной степени отразилось вліяніе послѣдующихъ событій и религіозная точка зрѣнія на ходъ послѣднихъ [1]). Первый изъ нихъ заподозривается въ своей достовѣрности и даже въ умышленномъ искаженіи. Мы не думаемъ, однако, его дефекты приписывать тому, что порча документа необходима была для цѣлей Бориса Годунова, Д. Самозванца и ц. Василія Шуйскаго. Если они извлекли изъ него тѣ столбцы, которые казались имъ непріятными, то еще проще было совсѣмъ уничтожить документъ. Иванъ Грозный неоднократно бралъ къ себѣ книги и документы, которые не находились потомъ въ его покояхъ или погибали отъ пожара [2]). Вѣрнѣе, что дефекты акта произошли позже отъ тѣхъ неустройствъ, которымъ подвергался московскій архивъ раньше и позже [3]). Уже во всякомъ случаѣ, какъ просто казалось это сдѣлать главному участнику—Василію Шуйскому, который несомнѣнно былъ дѣлецъ недостаточно чистый, но все же мы не можемъ ему придавать той предумышленности, какою надѣляютъ его иногда изслѣдователи, когда болѣе отдаленныя событія и самую гибель царевича приписываютъ ему, какъ волшебному вдохновителю [4]). Что актъ былъ составленъ въ извѣстномъ направленіи, проредактированъ въ Москвѣ для доклада и, быть можетъ, очищенъ отъ ненужныхъ подробностей, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но скорѣе приходится удивляться тому, что онъ дошелъ до насъ и въ своемъ настоящемъ видѣ. Для Бориса Годунова (помимо вопроса о его причастности) онъ былъ вполнѣ удобенъ, менѣе всего онъ могъ удовлетворить Самозванца, но и при немъ уцѣлѣлъ, а Шуйскій даже не постѣснялся имъ при канонизаціи царевича Димитрія...

---

[1]) См. Сказанія о смутномъ времени, С. Ѳ. Платонова, 2-е изд., Спб. 1913 и нашу рецензію этого труда (Нов. матер. и изслѣд. о смутн. времени, К., 1889).

[2]) Н. Лихачевъ, Библ. и архивъ Москов. госуд. въ XVI ст., с. 25—26.

[3]) Ср. Акты Арх. Экспед., I, № 289. См. Опытъ рус. исторіогр., т. I, 387. Свидѣтельство Миллера, въ какомъ видѣ онъ засталъ архивныя дѣла (Зап. Кокса, Р. Стар., XVIII, с. 321).

[4]) Вл. Боцяновскій, Кто убилъ ц-ча Димитрія (Истор. Вѣстн. 1891, т. XLIV, № 5, 308—337); ср. П. В. Голубовскій, Вопросъ о смерти ц-ча Димитрія (ib. 1896, т. LXVI, № 12, с. 856—877); гр. С. Д. Шереметевъ, Кн. Вас. Ив. Шуйскій (Старина и Новизна, книга XI, 243—266); И. Бѣляевъ (Чт. въ Общ. Истор. 1907, кн. I); но и намекъ у о. Пирлинга (заключ. глава, о слѣдствен. дѣлѣ). С. Минцловъ, На зарѣ вѣка, романъ (см. Ист. Вѣстн 1910, № 5, с 721).

Всѣхъ свидѣтелей, давшихъ показаніе о событіи 15 мая, насчитывается до 100 человѣкъ (94, въ томъ числѣ немало малолѣтнихъ), изъ которыхъ 65 показали, что царевичъ самъ покололся, и 19 чел. сослались на другихъ лицъ. Но и среди близкихъ царевичу—родственниковъ и слугъ произошло существенное разнорѣчіе: одни говорили то же, что и раньше, другіе же, что царевича убили—зарѣзали, а церковная іерархія въ лицѣ своего представителя патр. Іова все отнесла на счетъ божьяго суда; но тотъ же патр. Іовъ впослѣдствіи сказалъ иное, а именно, что Димитрій „принялъ *закланіе* неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ". Если обратить вниманіе на составъ свидѣтелей, то можно признать, что почти всѣ они принадлежатъ къ категоріи темнаго люда, не всегда хорошо разбирающагося въ характерѣ и цѣляхъ допросовъ, за которыхъ обыкновенно говорятъ другіе. Слѣдовательно показанія ихъ имѣютъ цѣну относительную [1]), а между болѣе сознательными свидѣтелями заслуживаетъ вниманія показаніе Андрея Александровича Нагого (какъ и Михаила Ѳед. Нагого), что царевичъ былъ зарѣзанъ [2]). По нынѣшнему слѣдственному порядку, пришлось бы выяснить, была ли въ этомъ случаѣ *колотая* или *рѣзанная* рана, что можно было сдѣлать и долго спустя; но подобнаго изслѣдованія сдѣлано не было [3]). И тотъ же Андрей Ал. Нагой, въ своемъ завѣщаніи 1617 г. (онъ уцѣлѣлъ, слѣд. показанія другихъ могли уклоняться, подъ страхомъ преслѣдованія [4]), а выраженіе матери *дѣло виноватое* двухсмысленно и

---

[1]) Семья Нагихъ водилась съ вѣдунами, и это не чуждо было болѣе просвѣщеннымъ людямъ. Масса говоритъ, что лопари-чародѣи совѣщались въ Угличѣ съ Нагимъ, а въ Москвѣ вѣрили, что Д. Самозванецъ также научился у нихъ чародѣйству; чародѣйству вѣрилъ и Курбскій, и Иванъ Грозный и др., какъ и на Западѣ (ср. Спенсеръ, Англія, 224—227; Лампрехтъ, Ист. герман. народа, II, 492; Hüllmann, IV, гл. 3-я).

[2]) Игуменъ Алексѣевскаго мон. (въ Угличѣ), увидѣвъ въ церкви тѣло царевича, замѣтилъ, что онъ зарѣзанъ (слѣдств. дѣло).

[3]) Находка трупа одного хана безъ головы подтвердила письменное свидѣтельство о его насильственной смерти (зам. Н. И. Веселовскаго, см. Е. Шмурло, VIII Арх. съѣздъ, с. 43). О состояніи тѣла ц-ча Димитрія см. показанія м. Евгенія и А. Я. Булгакова (ниже).

[4]) Въ соборномъ актѣ 1606 г. сказано: „зарѣзанъ на Угличѣ" (Дополн. къ акт. историч., I, 259). Въ современномъ житіи ц. Димитрія читаемъ: „перерѣзали горло ножемъ" (Чт. въ Общ. ист. 1864, IV, смѣсь, с. 3), съ замѣчаніями А. Ѳ. Бычкова (ср. Оп. рус. ист., II, с. 1852). Въ житіи Вас. Блаж. вел. кн. Василій предсказываетъ ц. Ивану IV такъ: „по твоемъ же преставленіи младенецъ Димитрій убіенъ будетъ отъ властолюби-

могло относиться и къ совершеннымъ убійствамъ ея родней), распредѣляя свое имущество, пишетъ, что у него взяли коня сѣраго съ животы (имуществомъ) въ опалѣ, на Государя на Угличѣ, *какъ ц-ча Дмитрія убили*. Свое завѣщаніе (изустную память) онъ писалъ (т. е. диктовалъ) „цѣлымъ умомъ и разумомъ", но за него подписалъ протопопъ Иванъ, такъ какъ онъ „своей руки приложить не измогъ" [1]).

Въ исторической критикѣ принято показаніе даже одного достовѣрнаго свидѣтеля предпочитать многимъ сомнительнымъ [2]). Если же принять во вниманіе, что Андрей Нагой даетъ свое показаніе, согласное съ первымъ, въ моментъ такого акта, какъ завѣщаніе на смертномъ одрѣ, которое не вызвано было какими либо посторонними соображеніями, и самое упоминаніе о случившемся фактѣ устанавливаетъ только моментъ вполнѣ индифферентнаго обстоятельства, то слѣдуетъ признать, что показаніе названнаго лица пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе, почти рѣшающаго характера. Въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ показанія лица наиболѣе выдающагося изъ Нагихъ, пользовавшагося значеніемъ при дворѣ и отбывавшаго посольскія обязанности [3]). Но его голосъ мы имѣемъ въ передачѣ Джер. Горсея,

---

выхъ *твоихъ сродникъ и господъ* и по времени принесены будутъ мощи его въ цар. градъ Москву". Какъ видно, имя Бориса Годунова уже позабылось, а обращено вниманіе на дѣйствія бояръ. Полагаютъ, что такая версія могла сложиться и ранѣе конца XVII в. (Изв. Акад. Н. 1913, № 3, с. 394—395). Современникъ Масса говоритъ: „перерѣзали царевичу горло" (стр. 47) и т. д. (О положеніи Андрея и Мих. Алекс. Нагихъ—Акты историч., II, 351, 379, 383).

[1]) Актъ Моск. арх. минист. юст., коллег. экон. по Новоторж. уѣзду, № 12—8440 (Чт. Общ. ист. 1907, I, смѣсь, 23—29).

[2]) Оп. рус. исторіогр., I, 49.

Въ началѣ цар. Θеодора ц-чъ Димитрій былъ отправленъ со своей родней въ Угличъ, и тогда же (1584, окт. 29) Анд. Ал. Нагой пріѣзжалъ изъ удѣла отъ ц-ча Димитрія Ивановича „съ пироги", за что былъ одаренъ камкой и 5 р. денегъ, а царицѣ Марѳѣ послано „цковъ (полста мѣховъ) и бобровъ на 30 рублевъ" (Дополн. къ акт. ист., I, № 131, с. 191).

[3]) А. Θ. Нагой считался опытнымъ дипломатомъ, онъ бывалъ въ Литвѣ, принималъ участіе въ переговорахъ съ цесарскими послами и подолгу жилъ въ Крыму, отстаивая русскую политику (Памятн. дипломат. снош., I, 533—540, 542—549, 557; Карамзинъ, IX, 24, 39, 65, 75, 77, 109, 124). На этомъ поприщѣ Аѳан. Нагой сблизился съ Щелкаловымъ (Форстенъ, I, 648). Съ углицкаго погрома онъ исчезаетъ изъ исторіи. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ появленіи Самозванца (спасеніе Димитрія). Вѣрнѣе, что онъ скрылся, опасаясь преслѣдованія Бориса Годунова. Предположеніе Бестужева-Рюмина, что онъ постригся, весьма вѣроятно; при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и слабости админи-

который разсказываетъ слѣдующее: „Однажды въ полночь (въ Ярославлѣ) кто-то постучался въ мои ворота[1]). Вооружившись пистолетами и другимъ оружіемъ, котораго у меня былъ большой запасъ, я и около 15 моихъ слугъ подошли къ воротамъ.—Добрый мой другъ, сказалъ онъ, дворянинъ Еремѣй, мнѣ нужно говорить съ тобой.—При мѣсячномъ свѣтѣ я узналъ Аѳанасія Нагого, брата вдовствующей царицы, матери царевича Димитрія, который находился въ Угличѣ, въ 25 миляхъ отъ Ярославля.—Царевичъ Д. скончался: около шестаго часа[2]), дьяки его зарѣзали; одинъ изъ ихъ слугъ признался на пыткѣ, что царевичъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса. Царица отравлена и при смерти: у нея лѣзутъ волосы, сходятъ ногти и кожа. Именемъ Христа заклинаю тебя—помоги и дай какое-нибудь снадобье—". Затѣмъ Горсей разсказываетъ, какъ онъ вбѣжалъ въ домъ, схватилъ стклянку чистаго прованскаго масла и коробку венеціанскаго теріака (полученнаго отъ королевы) и передалъ ихъ Нагому, пожелавъ ему успѣха[3]). Далѣе, онъ сообщаетъ о бывшихъ за нѣсколько дней до того пожарахъ въ Москвѣ, которые приписывались Нагимъ съ цѣлью посягательства на жизнь царя и Бориса и въ защиту правъ Димитрія, но этимъ слухамъ онъ не повѣрилъ.

стративнаго механизма, возможно, что въ Москвѣ о томъ ничего не знали... „Предположеніе о связи его съ казаками весьма важны... Думаю, что связь его крымскихъ отношеній съ побѣгомъ 1591 г. тоже возможна". (Письма, 59—63). Сынъ его, Петръ Нагой, находился въ Александр. Сійскомъ мон., откуда сносился съ старицами женскаго монастыря на Емцѣ, за что былъ подвергнутъ болѣе строгому надзору и послѣдній велѣно было обнести крѣпкой оградой (въ 1589 г., см. Акты истор., I, 428).

[1]) Нагіе имѣли въ Ярославлѣ домъ рядомъ съ помѣщеніемъ Англійской компаніи. Горсей находился съ ними въ близкихъ отношеніяхъ и, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Архангельска, получилъ отъ ц-цы Маріи Нагой подарки, состоявшіе изъ соболей и самыхъ лучшихъ сортовъ соколовъ, присланные ему изъ Углича (Записки Горсея въ Чтен. Общ. ист. и изд. 1909; ср. Стар. и Новиз., VII, 228, 241).

[2]) Въ полдень.

[3]) Изобрѣтеніе теріака приписывается Андромаху, урож. ос. Крита, врачу Нерона, прославившемуся этимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ животныхъ ядовъ. Изготовленіе его онъ описалъ въ стихотвореніи, которое дошло до насъ въ соч. Галена „De antidotis" (напеч. въ Poetae didactici, 2 гл., т. II, 1851). Въ составъ этого средства входитъ 70 веществъ и до новѣйшаго времени оно встрѣчалось въ аптекахъ Венеціи, Голландіи и Франціи, теперь же относится къ народнымъ лекарствамъ. Составныя его части (въ томъ числѣ опій, испан. вино, разныя коренья, очищенное масло и пр.) подробно указаны въ германской фармакопеѣ (см. энциклоп. словари).

Горсей прямо утверждаетъ, что царевичъ былъ „зарѣзанъ“ [1]). Правда, Горсей не отличался нравственными качествами и даже склоненъ былъ къ плутовству; но это не помѣшало ему въ настоящемъ случаѣ ограничиться фактической передачей происшедшаго. Самого Димитрія онъ характеризуетъ, какъ юношу ума остраго и подававшаго большія надежды, что такъ расходится съ отзывами о немъ слѣдственнаго дѣла и другими показаніями [2]). Въ сторонѣ стоятъ два свидѣтеля: Иванъ Пашинъ и Василій Буторинъ, посадскіе люди, называемые однимъ изъ защитниковъ убійцъ (Батусовымъ) „добрыми людьми“, но они сбѣжали, однако, въ лѣсъ, услышавъ набатъ, опасаясь быть побитыми, и явились въ городъ, когда пріѣхала слѣдственная коммиссія. Про смерть царевича и убійство Битяговскаго „съ товарищи“ они отозвались „невѣдѣніемъ“. Повидимому они были люди достаточные. Между тѣмъ въ 1623 г. угличане въ челобитной царю Михаилу Ѳеодоровичу на сына Пашина—Ивана заявляютъ, что онъ ихъ и городъ ихъ разоритъ и запустошитъ до конца, какъ и отецъ его, который *по злому умышленію* съ Битяговскимъ да съ посадскимъ Девятымъ Семухинымъ... *царевича Димитрія Ивановича предали на убійство*, и за то ихъ сиротъ погибло 60 семействъ, сосланныхъ въ Сибирь [3]). Но изъ той же челобитной видно, что Иванъ Пашинъ не хотѣлъ въ свое время присягать царю Василію и ушелъ въ литовскіе таборы (1608) [4]). Память о событіи 1591 г. переходитъ и въ глубь XVIII вѣка съ такимъ же характеромъ, не въ пользу участниковъ этого дѣла. Такимъ образомъ, когда въ 1677 г. возникла распря между чернянами (т. е. между жителями г. Черни) и ихъ воеводою Дм. Гавр. Битяговскимъ, по злоупотребленіямъ его управленія, и дѣло это повелѣно было разобрать тульскому воеводѣ И. И. Засѣцкому, то Битяговскій сослался на то, что съ нимъ—Иваномъ у родственниковъ его съ родственни-

---

[1]) Чтен. въ Общ. ист. 1907, II, 98—101.

[2]) Буссовъ, 12; Палицынъ, с. 2.

Горсей тутъ же пишетъ: „Много случилось со мной другихъ происшествій, о которыхъ не стоитъ писать. Извѣстія, которыя получалъ, были иногда пріятны, иногда ужасны. Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ меня“ (98). Ясно, что онъ не все договариваетъ, что зналъ.

[3]) Акты Арх. экспед., III, № 150, стр. 216—217.

[4]) Подробности объ этихъ лицахъ см. въ статьѣ гр. С. Д. Шереметева: „Отъ Углича къ морю студеному“ (Старина и Новизна, VII, 200—254); Сениговъ, Памятники земской старины, 20—29—31.

ками Ивана вышла „давняя недружба", которая пошла со времени *углицкаго дѣла,* когда Темиръ Засѣцкій оказалъ потачку Мих. Нагому, распорядившемуся положить ножи и палицу, взятую изъ клѣти Битяговскаго, на побитыхъ людей—Битяговскаго, Качалова и Третьякова, которые должны были служить уликою ихъ преступленія [1]). Еще позже возникло дѣло въ Далматовомъ мон. Тобольской епархіи изъ-за ссоры двухъ монаховъ—намѣстника Ѳеодосія Качанова и Евсевія Левонова. Послѣдній, обвиняя Ѳеодосія въ злоупотребленіяхъ, доносилъ, что онъ носитъ фамилію свою неправильно, а въ дѣйствительности онъ—Качаловъ измѣнничьяго рода, внукъ извѣстнаго убійцы царевича Димитрія, Никиты Качалова. Съ своей стороны, Качановъ ссылался въ оправданіе на другой подобный доносъ дворянина Пущинова, по которому онъ былъ оправданъ, какъ въ родствѣ съ убійцей не состоящій, и пожалованъ тогда же дворянствомъ, а доноситель былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, на Красный Яръ [2]). Наконецъ напомнимъ, что однофамильцы Отрепьева, въ царствованіе ц. Алексѣя Михайловича, подавали челобитную о переименованіи ихъ попрежнему Нелидовыми, къ роду которыхъ они принадлежали, и челобитная ихъ была уважена. Отсюда ясно, какъ опасно было тогда принадлежать къ фамиліямъ тѣхъ, которые были прикосновенны къ углицкому событію и считались виновными въ этомъ дѣлѣ.

II.

Еще въ 1851 г. И. П. Сахаровъ напечаталъ „Кормовую книгу Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря" [3]), отрывки которой повторены Н. П. Никольскимъ въ позднѣйшей исторіи монастыря [4]). Приво-

---

[1]) Гр. С. Д. Шереметевъ, Дѣло Д. Г. Битяговскаго (Изв. Рус. Генеалогическаго Общ., вып. II, 1903 и отд.).

[2]) Рус. Стар. 1883, XXXIX, 430.

[3]) Записки отд. рус. и славян. археол., Рус. Арх. Общ., I, 46—139, съ указат.

[4]) Н. Никольскій, Кирилло-Бѣлозер. монастырь, т. II, см. стр. 170. Рукопись Кирилло-Бѣлоз. мон. № 178 (1317), л. 23—об. 24.

Мать ц-ча Димитрія, по постриженіи, жила въ Выксинскомъ мон., отстоящемъ отъ Кириллова мон. въ 15 верстахъ. Кирилловскіе монахи навѣщали семью Нагихъ и утромъ въ день смерти царевича были съ благословеніемъ. Въ Угличѣ было и подворье Кирил. мон. (Рукопись А. Ѳ. Бычкова).

димъ здѣсь выписки изъ нея, имѣющія особенный интересъ: „мѣсяца того жъ въ 26 день: по Государѣ царевичѣ кн. Димитріѣ Іоанновичѣ кормъ съ поставца. Въ свитокъ и въ синодикѣ написанъ. Дачи по немъ въ 100 (1592) г. мати его, Государыни, царицы и Великой княгини иноки Марѳы Іоанновны, при игуменѣ Маркѣ [1]): покровъ камка вишнева, на ней шитъ образъ чудотворца Кирилла, вѣнецъ шитъ золотомъ, надъ главою шита Живоначальная Троица, около слова шиты серебромъ—тропарь и кондакъ; да три чаши серебряныхъ большихъ столовыхъ; да судки серебряные столовые, невелики; мисюрка [2]), уксусница, да перешница, да разсольникъ, да блюдечко невелико, да стопка невелика серебряна. Служатъ полсоборомъ. Пища рыбная большая, пироги подовые, квасъ сыченой или ячной, доброй“ [3]).

Кирилло-Бѣлозерскій мон., какъ извѣстно, пользовался въ старину особеннымъ почитаніемъ, конкуррируя въ этомъ отношеніи лишь съ Троицко-Сергіевской лаврой. Поэтому притокъ пожертвованій въ него на поминовеніе занимаетъ крупную статью въ его обиходѣ [4]). Особеннаго же вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что ц.ц. Михаилъ Ѳедор., Алексѣй Мих. и Ѳедоръ Алексѣевичъ изъ года въ годъ совершали *выходы* въ канунъ дня Уара (18 окт., церковное имя царевича 19-го окт.), 14 мая (день перенесенія мощей царе-

---

[1]) По спискамъ Строева былъ игуменомъ 1588—95 (стр. 56). Жившіе въ монастыряхъ члены царской и др. фамилій приходили (въ 1607—1608) въ Кирилловъ мон-рь и дѣлали взносы на церковныя службы (ц-ца Прасковья, Ксенія старица Ольга Борисова дочь Годунова, княгиня стар. Агаѳья—изъ Горъ—Горицкаго мон.). См. Н. Никольскій, II, стр. CXCII, CXCV, CCXXXVIII, CCXXXIX; Горицкій мон. находится въ 6 верстахъ отъ Кириллова. 5 іюля 1612 г. мать Скопина-Шуйскаго дала по немъ село Смытово въ углиц. Алексѣевъ мон., причемъ за вкладчицу подписался кн. Д. М. Пожарскій (Замѣтки по родосл. нѣкот. княж. фамилій, Н. П. Лихачевъ, 26). Таковъ былъ обычай.

[2]) Шапка съ желѣзной верхушкой и сѣткой—военный доспѣхъ; египетскіе или арабскіе шлемы (мисраимъ, мисръ—арабское названіе Египта). Зап. И. Р. Арх. Общ., XI, 577.

[3]) Списокъ жертвователей см. въ указателѣ къ названной книгѣ. Чтобы судить объ этомъ, отмѣтимъ, что при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ отъ него поступило 1000 р., при Иванѣ Грозномъ—до 28201 р. и въ слѣд. царств. до 2-й четверти XVII ст. 5444 р. (Никольскій, II, 170). Въ общемъ количество вложеннаго серебра въ царств. Ивана IV = свыше 100 пудовъ (Сахаровъ, 48). См. сводъ данныхъ тамъ же.

[4]) Въ Горицкомъ мон. показываютъ образъ ц-ча Димитрія, поставленный будто бы царицей Маріей (Марѳой). Письма Бестужева-Рюмина, 19.

вича) и 15 мая, въ день его кончины, въ Архангельскій соборъ, „на праздникъ царевичу Димитрію“ [1]. Авторъ сказанія о перенесеніи въ 1631 г. части мощей Димитрія царевича, плащаницы, шитой, по преданію, цар. Маріей, и др. реликвій въ Угличъ, счелъ необходимымъ вставить въ свой разсказъ слѣд. подробность изъ Новаго лѣтописца: „Царица инокиня Маѳа, присѣдше гробу сына своего и смотряще на тѣло, нача сшивати *въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу*, вышивше золотомъ и серебромъ и шелкомъ. А на шеѣ изобрази *жемчужное ожерелье*, яко бы онъ ношаше до закланія своего, о чемъ и вопрошенъ бысть отъ *убійцы Волохова*“. А между тѣмъ въ надписи на шитомъ изображеніи, положенномъ на ракѣ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, сохраняющемся преемственно съ 1606 г., не упоминается и самое имя Волохова въ числѣ убійцъ [2]. Почитаніе ц-ча Димитрія сохранялось въ семьѣ

---

[1]) См. Выходы царей, стр. 3, 16, 22, 32, 49, 50, 55, 67, 75, 85, 88, 98, 132, 180, 191, 217, 250, 332, 378, 552, 692. Отсутствіе указаній на „выходы“ ц. Ѳеодора Ивановича не можетъ быть объяснено умысломъ. Онъ могъ болѣть, его могли удерживать, и, что вѣрнѣе, извѣстія могли не дойти до насъ.

Въ уставѣ церковныхъ обрядовъ, соверш. въ Успенскомъ соборѣ ок. 1634 года, сказано: „Въ 15 день (мая) *убіеніе царевича Димитрія*, моск. чудотворца, благовѣстъ въ ревутъ, трезвонъ большой, а весь чинъ писанъ октября въ 19 день“ и тоже 3 іюня (Рус. ист. Библ., III, 31, 78, 79).

[2]) Соловьевъ, Краткая ист. Углича, Спб., 1895 г., с. 42—43; Ушаковъ, Церковь св. Димитрія на крови, изд. 2-ое, Яросл., 1891, с. 23—24; Ж. М. Н. Пр., 1908, № 6, с. 354. Ц-ца Маѳа упоминаетъ объ ожерельѣ, низанномъ жемчугомъ, положенномъ въ гробъ (Акты экспед., т. II, 110—112, № 48. Собр. государ. грам., II, 300, 311, 316). Она сама погребала сына (Собр. государ. грам., I, 605). Между тѣмъ Филаретъ говоритъ, что тѣло царевича долго искали. (Сборн. Муханова, 1268). Вспомнимъ выселеніе угличанъ. Шведъ Патерсонъ сообщаетъ, что онъ былъ въ Угличѣ, ходилъ по ступенямъ дворца, на которыхъ былъ убитъ Димитрій и слышалъ отъ воиновъ ц. Шуйскаго, и въ Москвѣ, и въ станѣ, что они сами хоронили царевича, истиннаго и родного сына ц. Ивана Вас., и „это они свидѣтельствовали мнѣ подъ клятвою“, прибавляетъ авторъ. (143, см. Адслунгъ, II, 128). Ср. у Петрея (243). Слѣдовательно сообщеніе Олеарія, что Борисъ Годуновъ распорядился срыть дворецъ Димитрія не вѣрно (Путеш. по изд. М. Общ. ист., 229). О дворцѣ царевича и церкви на крови и др. предметахъ, связанныхъ съ именемъ царевича въ Угличѣ, см. въ статьѣ И. Тюменева (Отъ Углича до Рыбинска, Ист. Вѣстн. 1897, № 1, стр. 207—233, съ рис.). Отмѣтимъ замѣчаніе Платонова, что возстановить топографію Углича времени ц-ча Димитрія невозможно, относительно факта убіенія, по имѣющимся даннымъ (докладъ на Владимір. арх. съѣздѣ, Истор. Вѣстн. 1901, № 10, с. 371). См., однако, „Сводъ извѣстій о дворцѣ ц-ча Димитрія Углицкаго“, Н. Шлякова, Яросл., 1889 и Изв. Моск. Арх. общ. 1894,

Романовыхъ въ теченіе всего XVII вѣка. Такъ, ц. Михаилъ Ѳедоровичъ устроилъ для мощей царевича раку, обложенную серебромъ [1]). Въ описи келейной казны патр. Филарета (1630 г.) значится 4 тетради въ полдесть о убіеніи благов. ц-ча Димитрія [2]). Тещѣ Ѳ. Н. Романова, Маріи Шестовой, сосланной въ Чебоксары, принадлежала картина, изображающая ц-ча Димитрія, съ описаніемъ убіенія его вокругъ послѣдняго, писанная масляными красками и находящаяся въ алтарѣ тамошней Спасской церкви [3]). Занявъ Кукейносъ (Кокенгаузенъ) въ 1656 г., царь Алексѣй Михайловичъ переименовалъ его въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ [4]), такъ какъ передъ приступомъ царя явились ему страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ и повелѣли въ этотъ день праздновать страдальцу ц-чу Димитрію [5]). Петръ В., по крайней мѣрѣ въ молодости, также признавалъ актъ убіенія и че-

---

№№ 6—7, стр. 225—227) и Дворецъ ц-ча Димитрія въ Угличѣ, Яр., 1892. Домашнія вещи царевича, перешедшія въ Арханг. соборъ въ Москвѣ отъ Мамоновыхъ (М. Арх. соб.; прот. Лебедева, М., 1880 и Р. Арх. 1894, № 2, стр. 285—286; ср. ib. 1901, № 7, стр. 413), по родству съ Черкасскими. Жена П. Черкасскаго и мать ц-ча Димитрія изъ рода Нагихъ (Платоновъ, Сказанія, 2-ое изд., 366).

[1]) Ратшинъ, 309. Въ Угличѣ на мѣстѣ погребенія ц-ча Димитрія, по повелѣнію ц. Михаила Ѳедоровича, построена деревянная церковь, замѣненная потомъ каменной. Въ ней указываютъ пелену, вышитую матерью царевича, а въ 1661 году рядомъ съ тою же церковью возведена другая (арханг. Михаила), на одномъ изъ брусьевъ которой отмѣчено, что она „построена казною, тщаніемъ и радѣніемъ моск. вкладчицы, княг. Анны Вас. Черкасской, сродницы матери царевича, бывшей отъ роду Нагихъ“ (Ист. Вѣстн. 1897, № 1, с. 215—219—220).

[2]) Рус. ист. Библ., III, 908. Списокъ житія ц-ча Димитрія принадлежалъ также супр. фельдм. гр. Б. П. Шереметева (Барсуковъ, Агіогр., 155). Въ одномъ изъ житій Димитрія царевича (Опис. рук. Общ. люб. древн. письм., III, 111; ср. рук. Моск. Синод. библ. по указ. Саввы, № 858) приставлено предисловіе, въ которомъ сообщается о томъ, что при погребеніи царевича въ Арханг. соборѣ въ придѣлѣ у Іоанна Лѣствичника, гдѣ положенъ былъ Борисъ Годуновъ, трижды ставили гробъ въ могилу, и онъ не приходился, а въ послѣдній разъ могила засыпалась. Житіе это вошло въ Милют. минеи, но Димитрій Ростовскій, пользуясь имъ, легенду опустилъ (зам. С. Платонова, Библіогр., 1888, № 1, стр. 18—19). Конечно, подобная легенда создалась въ устахъ противниковъ Годунова, но говоритъ и въ пользу признанія убіенія царевича.

[3]) Платоновъ, Сказанія, 2 е изд., 453—454.

[4]) Соловьевъ, X, 409; Акты Моск. госуд., II, 532.

[5]) Письма ц. Алексѣя Мих. къ сестрамъ (Барсуковъ, Родосл. Шереметевыхъ, IV, 17—21).

Въ важныхъ случаяхъ служились молебны въ ц. страстотерпца ц-ча Димитрія (Акты Моск. госуд., II, 532, 559, 604).

ствованія Димитрія [1]). Въ Архангельскомъ соборѣ хранится тафія, или шапочка царевича, доставленная туда по его повелѣнію въ 1700 г. [2]).

Мы представили выше сводъ данныхъ, который съ очевидностью убѣждаетъ въ томъ, что въ средѣ, близко стоящей къ ц-чу Димитрію, существовало твердое убѣжденіе въ томъ, что онъ палъ жертвой катастрофы, происшедшей въ Угличѣ 15 мая 1591 года, т. е. былъ убитъ именно онъ, а не подставной отрокъ. Признаніе его кончины идетъ отъ ея начала (актъ Кормов. книги—100 года = 1592 г.) и тянется вплоть до нач. XVIII вѣка. Съ другой стороны, при Борисѣ подлежали опалѣ лица, высказывавшія жалость къ судьбѣ ц-ча Димитрія (кн. Выдомскій) [3]), а при Михаилѣ Θедоровичѣ, напротивъ, награждали тѣхъ, кто вѣрно служилъ царевичу въ Угличѣ (какъ предки Зотова) [4]).

Трудно и даже невозможно допустить, чтобы всѣ названныя лица согласились признавать завѣдомо ложное событіе, въ особенности если многія изъ нихъ стояли такъ близко къ факту, совершенному царемъ Шуйскимъ въ 1606 г. Принять предумышленное соглашеніе въ моментъ событія (1591 г.) и затѣмъ участіе въ религіозномъ почитаніи, значило бы признать возможной фальсификацію религіозныхъ чувствъ въ ту эпоху, когда послѣднія занимали въ обществѣ преобладающее значеніе. Подобная психологія совершенно чужда тому времени и людямъ, болѣе склоннымъ къ идеямъ Домостроя, нежели къ мнѣніямъ Θеодосія Косого и кн. И. А. Хворостинина. Послѣ всего сказаннаго свидѣтельство Марθы и Нагихъ въ моментъ гибели Самозванца не покажется страннымъ, какъ и ея покаяніе, что признаніе его истиннымъ было вынуждено силою [5]).

---

[1]) Письма Бестужева-Рюмина, 66.

[2]) Ратшинъ, 310. Въ реестрѣ платья и вещей ц. Алексѣя Михайловича упоминалась „тафья сукно червчато, на немъ по краямъ 64 зерна жафимскихъ, царевича Димитрія Ивановича“ (Зап. И. Р. Арх. Общ., XI, 339).

[3]) Старина и Новизна, XIII, 163.

[4]) Рус. Арх. 1902, № 7, с. 514.

[5]) Карамзинъ, XI, прим. 546; Собр. госуд. грам., II, 306; Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. CXXXVII.

Съ появленіемъ второго Самозванца имя Марθы опять является рядомъ съ именемъ Марины (Сборн. кн. Хилкова, 17). Между тѣмъ у Петрея находимъ любопытное сообщеніе (онъ былъ тогда въ Москвѣ), что Д. Самозванецъ велѣлъ извергнуть тѣло Димитрія изъ Угличскаго собора и похоронить въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго поповскаго сына, но

Далѣе, какъ извѣстно, по случаю сватовства членовъ царской семьи всегда требовались портреты невѣстъ („парсунъ") [1]), а бракосочетаніе царей со своими подданными сопровождалось, какъ и въ Византіи, избраніемъ невѣсты изъ многочисленнаго штата дѣвицъ, представленныхъ ко двору. Понятно, что выборъ, падавшій на лицъ разныхъ сословій, долженъ былъ основываться на благопріятной внѣшности удостоенной этой чести. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно прославившагося своимъ женолюбіемъ, подобно Генриху VIII англійскому, царя Ивана IV. Седьмая жена Ивана IV, Марія Нагая, конечно, не составляла въ этомъ случаѣ исключенія. Такимъ образомъ она должна была отличаться красотою; но она не принадлежала и къ худороднымъ [2]). По словамъ же знавшихъ царе-

---

царица-мать не дозволила ему сдѣлать этого, ужасаясь лишить сына царской могилы (Опис. В. К. Моск., 243). Карамзинъ находитъ этотъ разсказъ „вѣроятнымъ" (XI, 180).

[1]) Елисавета англійская говорила русскому послу Писемскому: „Любя брата своего, вашего государя, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что вашъ государь любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница (Марія Гастингсъ) некрасива, и государь вашъ наврядъ ли ее полюбитъ", и не хотѣла дать ея портрета (да еще послѣ оспы). Соловьевъ, VI, 398—399. Писемскій считался образованнымъ человѣкомъ и знающимъ нѣсколько языковъ (Горсей).

[2]) Не входя въ частности, отмѣтимъ, что прадѣдъ царицы Мих. Нагой былъ ловчимъ при в. к. Василіѣ Ивановичѣ, а дѣдъ, бояринъ Ѳед. Мих.—ловчимъ при ц. Иванѣ IV (Кн. Лобановъ-Ростовскій, Родъ Нагихъ; ср. Стар. и Нов., VII, 223). На послѣдней свадьбѣ ц. Ивана IV упоминается въ числѣ Нагихъ Петръ Аѳ. Нагой (Древн. Рос. Вивл., XIII, 114). Александръ Нагой служилъ въ Тушинѣ (Платоновъ, 495; Карамзинъ, XII, пр. 557). Нагіе встрѣчаются еще въ к. XVIII стол. (Р. Арх. 1894, № 3, с. 464). О связи между Васильчиковыми, Нагими и Колычовыми—Чинъ бракосочетанія Васильчиковой и Ивана Грознаго (Изв. Рус. Генеалог. Общ., I, 1—13). Ихъ помѣстья находились въ Ростовскомъ и Угличскомъ у.у. (Отч. Общ. любит. древн. письм. 1901—1902, с. 13). Нагіе находились также въ родствѣ съ Жулебиными, Плещеевыми, Годуновыми, Телятевскими, Черкасскими, Шереметевыми, Мстиславскими и др. (см. Синодики Переясл. Гориц. мон. и др., изд. Титовымъ; Ист. Вѣстн. 1902, № 2, с. 770; № 6, с. 1078; Изв. Генеал. Общ., II, 1903. Лѣт. Ист. родосл. Общ. 1906, I—III). Вторая жена Ѳ. Нагого изъ рода Шереметевыхъ (Д. Кобеко, Спб. 1904); Ист. Вѣстн. 1903, № 12, с. 1080; Платоновъ, Смут. время, 308. Прибавимъ, что мать царевича все таки пользовалась почетомъ, между тѣмъ, какъ жена Шуйскаго подверглась послѣ низложенія царя непростительнымъ оскорбленіямъ бояръ по учету имущества (Забѣлинъ, Домашн. бытъ царицъ, 014—26; Ц-ца М. П. Шуйская. Страница изъ ист. смутн. времени, Савелова, Р. Арх. 1914, № 2). Любопытно завѣщаніе Ивана Нагого (1598), по которому его слуга Богданъ Сидоровъ назначался опекуномъ его семьи, обязывался заботиться о

вича, онъ былъ похожъ на мать, а царь (т. е. Самозванецъ) нимало съ нею не сходствовалъ [1]). Портреты послѣдняго даютъ невыгодное представленіе о его физіономическихъ чертахъ [2]); а по оффиціальнымъ извѣстіямъ можно видѣть, что ц-ца Мареа, въ подтвержденіе незаконности послѣдняго, показала народу изображеніе младенческаго лица Димитрія, нимало не соотвѣтствовавшаго чертамъ Самозванца [3]).

Въ связи съ вопросомъ объ убіеніи Димитрія находится другой—легенда о спасеніи его, разукрашенная разными подробностями. Для этого убійство вмѣсто дня переносится на ночь [4]), устанавливается убійство Нагими посторонняго мальчика (отрокъ, слуга, поповъ сынъ) [5]), даже (позже) съ помощью замаскированныхъ лицъ [6]); увозъ царевича (предполагается совершеннымъ бѣжавшимъ Ае. Ѳед. Нагимъ) за границу, и появленіе его въ качествѣ претендента на

ней и научить дѣтей грамотѣ, и въ то время, какъ прочіе слуги получили вольную, послѣдній, несмотря на наслѣдованіе землею, не былъ освобожденъ (Отч. Общ. любит., ib., 13). Вспомнимъ рабовъ воспитателей въ Римѣ.

[1]) Буссовъ, 74. Петрей прибавляетъ, со словъ придворнаго, аптекаря Клаузенда, что „Димитрій былъ смуглолицъ, какъ и мать его, а выдававшій себя за Димитрія совсѣмъ не смуглъ" (243). Конечно эта особенность относительная. Масса выражается о немъ: „цвѣтъ лица желтовато-смуглый" (206); ср. Записку Рангони.

[2]) Масса, 206.

[3]) Карамзинъ, XI, 170, прим. 547. Сборн. И. Р. И. Общ., т. CXXXVII; Хронографы и Никонов. лѣтопись. Въ Елецъ, на увѣщаніе жителей, она посылала съ братомъ Гр. Ѳед. Нагимъ образъ сына своего ц-ча Димитрія (Собр. Госуд. Грам., II, 318). Вѣроятно „образъ" этотъ также соотвѣтствовалъ чертамъ „изображенія", имѣвшагося у ц-цы Мареы. Напрасно думать, что въ то время не заботились о точныхъ изображеніяхъ. Въ житіи Иннокентія Вологодскаго (Охлябинина, † 1491), ученика Нила Сорскаго, сказано, что на могилѣ его былъ положенъ камень съ обозначеніемъ года, мѣсяца и дня его кончины. „Тако же и образъ *подобія его* братія написала, каковъ бѣ преп. отецъ Иннокентій" (А. Ѳ. Бычковъ, Опис. Сборниковъ И. П. библ., I, 15—16).

[4]) Бестужевъ-Рюминъ (Письма къ гр. С. Д. Шереметеву, 7—8) считалъ свидѣтельство слѣдственнаго дѣла объ убійствѣ *днемъ* наиболѣе существеннымъ указаніемъ, что убитъ дѣйствительно ц-чъ Димитрій.

[5]) Такъ повѣствуютъ: Маржеретъ, Геркманъ, мнимый Гревенбрухъ (см. изд. гр. Шереметева, Трагедія московская, Спб., 1901), Смитъ и др.

[6]) См. у Пясецкаго (Р. Арх. 1886, III, 286; Матер. для эпохи смутн. времени. Хроника Пясецкаго, В. Н. Александренка, Варш., 1909); подробности о докторѣ (Устряловъ, I, прим. 396, пр. 131), Старина и Новизна, XIV (документы, сообщ. проф. Александренкомъ). К. Валишевскому понравилась романическая обстановка этого событія (см. его книгу о Д. Самозванцѣ).

престолъ (наиболѣе раннее сообщеніе о Самозванцѣ относится къ 1598 г.)[1]. Между тѣмъ въ основаніи этой легенды лежитъ разсказъ Самозванца о своемъ спасеніи, ставшій достояніемъ многихъ иностранныхъ извѣстій о немъ, подробности которой постепенно расширяются въ разсказъ[2]), привлекательный для авторовъ историческихъ романовъ и историковъ романтической школы, но, какъ мы видѣли, не выдерживающій критики въ своемъ основаніи.

III.

Показанія слѣдственнаго дѣла объ убійствѣ ц-ча Димитрія напоминаютъ тѣ судебные акты, въ которыхъ является масса свидѣтелей, и всѣ они говорятъ, какъ по писанному, а затѣмъ заявляютъ нерѣдко объ отказѣ отъ своего показанія, сдѣланнаго на предварительномъ слѣдствіи, подъ вліяніемъ запамятованія, внушенія или присяги. Кромѣ показаній, въ слѣдственномъ дѣлѣ мы ничего не находимъ, даже описанія внѣшней обстановки суда. Правда, оно не дошло въ полномъ видѣ. Но было-ли тутъ убійство или самоубійство (Арцыбашевъ, Е. Бѣловъ)[3])—послѣднее сомнительно и требуетъ, для признанія, помощи даже психіатріи,—фактъ убійства очевиденъ

---

[1]) А. Сапѣга (Платоновъ, 236—237). Впослѣдствіи создалась легенда, что, при открытіи мощей, похоронили другого ребенка, чтобы подтвердить ихъ цѣлость (Масса, 229). Но авторъ „иного сказанія“ сообщаетъ, что тѣло было уже отчасти повреждено (Рус. ист. Библ., XIII, 83). Легенда развивалась и дальше.

О времени нашествія французовъ А. Я. Булгаковъ писалъ (20 окт. 1812 г., изъ Москвы) И. П. Оденталю: „Церкви осквернены, обруганы, обращены въ конюшни. Изъ Чудова выгнали мы лошадей, въ Благовѣщенскомъ соборѣ навалена была бездна бумаги, были бутылки, стояла бочка съ пробками, мощи изувѣчены частію, частію же расхищены. Дмитрію царевичу отрубили руки и голову. Повторены здѣсь ужасныя сцены Робеспьерова времени“ (Р. Стар. 1912, № 11, с. 327). М. Евгеній (Болховитиновъ) отъ 9 дек. 1819 г. сообщалъ В. Г. Анастасевичу о томъ же слѣдующее: „Неудивительно, что мощи Димитрія Углицкаго въ началѣ XVII вѣка были свѣжія. Но теперь отъ времени онѣ уже высохли, а французы въ 1812 году свернули у нихъ и голову и забросили было за иконостасъ, но послѣ найдены“ (Р. Арх. 1889, № 6, с. 235).

[2]) Подробно у Паерлс, с. 153—154; ср. прим. 131 въ изд. Устрялова.

[3]) Въ послѣднее время явились опять попытка поддержать эту точку зрѣнія (Р. Стар. 1913, № 2, с. 384—404; ср. Клейнъ, Слѣдств. дѣло), вызвавшая справедливое возраженіе (И. С. Бѣляевъ, ib., № 4 и 1915, № 3). Мы не касаемся церковной стороны, на которую ссылается послѣдній.

и устанавливается сценами, его сопровождавшими, ибо поддѣлать все это трудно было бы, при большей тогда простотѣ нравовъ и мыслей [1]). Любопытно внѣшнее описаніе принадлежностей царевича по привезеніи мощей въ Москву, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, дьякъ Ив. Тимоѳеевъ и Масса (230), причемъ упоминаются и орѣшки, покрытые кровью [2]). Даже если допустить, что ихъ нарочно покропили кровью, какъ оружіе въ день убійства, то едва ли можно думать, чтобы занялись этой поддѣлкою теперь [3]). Такимъ образомъ сложилось двѣ легенды о подмѣнѣ, въ связи съ событіемъ 1591 г. и обстоятельствами 1606 г., но онѣ равной цѣнности [4]). Недавно же сдѣлана попытка [5]) расчленить легенду на нѣсколько моментовъ, но это сходно съ тѣмъ, какъ если бы кто захотѣлъ, по устнымъ разсказамъ, установить послѣдовательность изложенія (со словъ многихъ лицъ, часто даже не бывшихъ свидѣтелями) того или иного событія, даже позднѣйшаго, обыкновенно освѣщаемаго съ разныхъ сторонъ и съ бо̀льшими или меньшими подробностями [6]). Пирлингъ справедливо замѣчаетъ, что всѣ варіаціи о спасеніи царевича исходятъ изъ одного источника—изъ разсказа Д. Самозванца, переданнаго Вишневецкому [7]). Въ патріаршей грамотѣ 16 февр. 1607 г., составленной

---

[1]) Въ 1881 году слѣдственное дѣло подвергалось разбору въ Моск. Юрид. Общ. (реф. Муретова), который, кажется, напечатанъ не былъ. Слѣдовало бы, конечно, присоединить къ этому и данныя о болѣзняхъ ц-ча Димитрія съ ихъ проявленіями, по крайней мѣрѣ для отрицательнаго вывода.

[2]) По дѣлу ц-ча Димитрія Тимоѳеевъ называетъ (Рус. истор. Библіотека, изд. Археогр. ком., XIII, 320—324) царя Василія „лжесвидѣтелемъ", но это не мѣшаетъ ему смотрѣть на актъ 1606 г. одобрительно. Подробное описаніе внѣшней обстановки въ „Иномъ сказаніи" (83—84). Тимоѳеевъ самъ осматривалъ тѣло ц-ча и прибавляетъ, что головного убора (митры) не замѣтилъ (323). Хронографы (= Иное сказ.) повторяютъ оффиціальное сообщеніе (Обзоръ, 411, 418). Маржеретъ говоритъ, что царя Василія Шуйскаго, шедшаго впереди, при перенесеніи мощей Димитрія, хотѣли побить камнями (какъ лжесвидѣтеля?), но оставили это намѣреніе по совѣту вельможъ (франц. текстъ, 150).

[3]) Оба разсказа любопытно сопоставить. Масса, конечно, судитъ нѣсколько иначе, какъ иностранецъ.

[4]) Напомнимъ, что въ Польшѣ также говорили о подмѣнѣ будто бы сына царя Ѳедора (при рожденіи) дочерью Ѳеодосіей, по повелѣнію Бориса, подъ именемъ котораго явился потомъ новый самозванецъ (дѣла польскія у Карамзина, X, прим. 277). Такую же легенду создали и на счетъ импер. Павла, но въ обратномъ видѣ (Истор. Сборн., изд. въ Лондонѣ, II, 249—264).

[5]) Рус. Стар. 1913, № 2.

[6]) Оп. рус. исторіогр., I, 4, примѣч. (разсказъ Вальтера Ралея).

[7]) Р. Стар. 1901, № 4, с. 112.

при участіи патр. Іова, говорилось уже, что ц-ча Димитрія въ Угличѣ не стало, *„принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ“*. По крайней мѣрѣ это откровеннѣе, чѣмъ ссылка того же Іова на судъ божій въ приговорѣ по слѣдственному дѣлу.

Съ вопросомъ объ этомъ обстоятельствѣ необходимо соединяется—другой—о степени участія въ этомъ дѣлѣ Бориса Годунова, которое значительно вліяетъ и на рѣшеніе предъидущаго [1]). Но въ данномъ случаѣ можетъ помочь выясненію нѣкоторая аналогія. Какъ извѣстно Мировичъ задумалъ планъ освобожденія Іоанна Антоновича на свой страхъ, и въ результатѣ явилось убійство, которое въ извѣстной части ходившихъ слуховъ (зап. Дашковой) и въ печати (Кастера) приписывалось боязни и внушеніямъ Екатерины. Смерть Петра III, при участіи преданныхъ ей лицъ, относилась также на ея счетъ [2]).

Угличъ былъ назначенъ Димитрію еще ц. I. Грознымъ; но съ самаго начала царствованія Өедора идутъ замыслы, направленные противъ власти Годунова, сопровождавшіеся высылкой въ удѣлъ Димитрія, дѣломъ Бѣльскаго, замысломъ Мстиславскаго и др., дѣломъ Шуйскихъ (1587) [3]), одновременнымъ съ дѣломъ 1591 г. и пожарами въ Москвѣ. Въ 1593 г. цесарскій посолъ Варкочъ сообщалъ, что бояре питаютъ надежду возвести на моск. престолъ (по смерти Өедора) кого-либо изъ эрцгерцоговъ австрійскихъ [4]), какъ предполагалъ потомъ и Пожарскій, чтобы избѣжать соперничества своихъ претендентовъ. Если принять во вниманіе обстановку, сложившуюся

---

[1]) Кромѣ прежнихъ, статья Г. Тихомирова снова благопріятна Борису Годунову (Хр. Чт., 1903, № 4). Для поэтовъ означенная выше точка зрѣнія хорошій матеріалъ, но не выгодный для Бориса Годунова, какъ и для Екатерины II. Между тѣмъ поэзія закрѣпила этотъ взглядъ (Пушкинъ, Ал. Толстой, Островскій и др.).

[2]) См. матеріалы по этому дѣлу, Арх. кн. Воронцова, XXI, 115—117, 430—432; Рус. Арх. 1911, № 5, с. 21—25 и Зап. Сенъ-Жана (Karlsruhe 1888).

[3]) Любопытно указаніе на таинственную связь кн. И. П. Шуйскаго съ старицей Прасковьей, въ мірѣ Пелагеей Михайловной Соловово, 2-ой женой ц-ча Ивана Ивановича, сына Грознаго, во время пребыванія ея въ Суздалѣ, въ Покров. дѣвич. монастырѣ (допросъ игум-и Леониды и монахинь, Лѣт. занят. Археогр. Ком., XI, проток., стр. 7—8). Она умерла въ москов. Ивановскомъ мон. въ 1620 г. И. П. и А. И. Шуйскіе въ томъ же году поплатились головами (1587).

[4]) Р. Стар. 1903, № 5, с. 452.

въ Угличѣ, при враждебномъ отношеніи двухъ партій [1]), при тѣхъ опасеніяхъ, какія ходили на счетъ права малолѣтняго Димитрія, то легко понять неизбѣжность катастрофы: она могла произойти и безъ нарочнаго внушенія. Но, конечно, роль „русскаго Кромвеля“ (Карамзинъ) оказалась весьма благопріятной для поэтическихъ произведеній, какъ составлялись за границей своего рода мартирологи о дѣйствіяхъ Екатерины II. Какъ бы то ни было, а Димитрій признавался имѣющимъ право на престолъ [2]), хотя родился и отъ седьмой жены. Въ Россіи въ его правахъ никто не сомнѣвался, несмотря на заявленія Бориса Годунова [3]).

Какъ извѣстно, легенды всегда сопровождаютъ таинственныя событія, хотя бы, напр., сказаніе о старцѣ Ѳедорѣ Кузмичѣ, несмотря на осмотръ тѣла Александра I и его бальзамированіе, не говоря о письменныхъ свидѣтельствахъ въ запискахъ врачей [4]). Поэтому правъ былъ Замойскій, когда говорилъ: „это похоже на Плавтову или Теренціеву комедію: приказать кого-нибудь убить и особенно такого важнаго человѣка (Димитрія) и потомъ не посмотрѣть, того ли убили, кого было надобно“ и т. д. [5]).

---

[1]) Объ ихъ враждѣ—Платоновъ, Смутн. время, 593. Вражда между Нагими и Битяговскимъ въ Угличѣ осложнилась изъ-за посохи.

[2]) Соловьевъ, VII, 401.

[3]) Письма его къ имп. Рудольфу и папѣ Калликсту VIII (Изв. Ак. Н. 1915, I, 316 — 326, ст. Н. П. Лихачева). Противоположныя заявленія не имѣли значенія (Кобеко, Ѳ. Ѳ. Нагой, Изв. Р. И. Общ., II, 1903). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что еще въ 1587 году правительство хлопотало о полученіи доктора въ Англіи (Якоби) въ интересахъ потомства царя Ѳедора (Карамзинъ, X, 19—20) и позже рожденія дочери Ѳеодосіи (1592 г.), а это показываетъ, что убійство 1591 г. могло и не принести пользы.

[4]) Достаточно прочесть переписку импер. Елисаветы Алексѣевны о смерти имп. Александра, чтобы убѣдиться въ тщетности утвердить мистическую легенду, а между тѣмъ никакія опроверженія не въ силахъ ее устранить. Ср. также статью В. К. Николая Михайловича (Историч. Вѣст. 1916 г.). Рѣзкое осужденіе легенды о Ѳ. Кузмичѣ современникомъ—духовнымъ лицомъ, архіеп. иркутскимъ Веніаминомъ въ письмѣ къ архіеписк. казанскому Владиміру съ соотвѣтственной характеристикой виновника ея („маніакъ“) купца Хромова (Чтен. въ Общ. ист. 1913, IV, 100, 151, 183). Подобная же легенда сложилась и относительно самой импер. Елизаветы Алексѣевны, за которую выдавала себя нѣкая Домна Молчальница (Рус. Арх. 1909, № 11, 281). Къ той же категоріи принадлежатъ разсказы о бѣгствѣ супруги ц-ча Алексѣя Шарлоты въ Америку (Отч. Имп. Пуб. библ. 1897, с. 165), о французѣ, выдав. себя за имп. Іоанна VI (Бильбасовъ, XII, ч. II, 82), о томъ, что Пугачевъ живъ (Р. Арх. 1906, № 5, с. 33) и т. п.

[5]) Соловьевъ, VIII, 125. Любопытны рѣчи на польскомъ сеймѣ о Самозванцѣ (Духов. Бесѣда, 1864. №№ 41—44) и отступленіе Л. Сапѣги. Чт. М. О. И. 1901, II).

Хотя ц-чъ Димитрій признавался святымъ, но имя его вносилось въ Синодики [1]. Нерасположеніе же кирилловской братіи къ Борису Годунову объясняется его вмѣшательствомъ въ имущественныя дѣла этого богатѣйшаго монастыря [2]. Суворинъ напрасно говоритъ, что на нѣкоторые вопросы, касающіеся Димитрія Самозванца вовсе не обращалось вниманія, между тѣмъ мы указывали на нихъ еще въ своей статьѣ 1865 г., оставшейся ему неизвѣстной. Варіаціи легенды о спасеніи, извѣстной раннему русскому сказанію (повѣсть 1606 г. въ Иномъ сказаніи) до иноземныхъ пересказовъ включительно, всѣ одного происхожденія [3].

Если бы оправдалось показаніе Маржерета, что Д. Самозванцу было 23—24 года (по указанію Соранцо 26) [4], а Отрепьеву—35, то самъ собою разрѣшился бы вопросъ о разницѣ (физической, у Самозванца вовсе не было растительности на лицѣ) этихъ лицъ, но во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства проявились тогда недосказанность и колебанія, какъ будто за ними скрывался приговоръ „сожженной совѣсти" (лѣтописи говорятъ о страхѣ и ужасѣ, напавшихъ на Бориса Годунова); но также говорятъ о его отравленіи (между тѣмъ самая комплексія—чрезвычайная тучность и показанія близкихъ свидѣтелей въ сообщеніи Хрущова [5]) объясняютъ его смерть естественно—параличемъ),—какъ бы для увеличенія постигшей его кары и также картинно разсказываютъ о самоотравленіи всей его семьи [6].

1) См. Синод. Хитрово въ Унжен. мон., Херсонскій, Лѣтопись Унжен. мон., I, 109.

Въ Синодикѣ Пусторжевскаго уѣзда погоста Бѣженецъ, Живонач. Троицы 1715 г., въ библіот. Псков. Археол. Общ., записаны вел. князья и цари до ц-ча Димитрія и проч. (Древн. Моск. Археол. Общ., Тр. Археогр. Ком., I, в. 3, с. 459). Быть можетъ, къ нему относится и выдача съ 1625 г. панихидныхъ денегъ на Кирил. подворье въ Москвѣ, съ 1681 (и въ 1700 г.), назначенныхъ на выкупъ плѣнныхъ (Дополн. къ ак. ист., IX, 318; Забѣлинъ, Матеріалы, II, 408, 477; ср. Р. Арх., 1893, № 8, с. 441).

2) Никольскій, Кирилло-Бѣлозер. мон., II, 121, 169, 171.

3) „Вопросъ о подмѣнѣ трудно, кажется, рѣшить утвердительно", замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ, благосклонный вообще къ новой постановкѣ вопроса (Письма о смутн. времени, 60).

4) Нери Джиральди (у Чіямпи, 49) и Чилли (ib. 19) говорятъ о 24—25 годахъ (Архивъ ист. практ. свѣд. Калачова); Стар и Нов., XIV, 350 (Соранцо), также Рангони. Приложеніе у Пирлинга (La Russie et le S. Siège). Замѣчаніе Е. Н. Щепкина объ этой запискѣ (Лѣтоп. Истор.-Филол. Общ., IX, 342).

5) См. Собр. госуд. грам. II, 176. О частыхъ его болѣзняхъ.

6) Подозрѣнія въ отравленіи были тогда обычны, какъ у насъ, такъ и на Западѣ (Соловьевъ, VIII, 363). Собр. госуд. грамотъ, II, 173—178;

Хотя московское боярство давно уже стало заглядываться на порядки Польши и охотно склонялось потомъ передъ именемъ Владислава, но едва ли полякамъ удалось бы такъ легко соорудить планъ созданія Самозванца. Что же касается самаго факта — появленія послѣдняго, то онъ свидѣтельствуетъ о глубокой и непримиримой ненависти извѣстнаго круга лицъ къ Борису Годунову, какъ основателю новой династіи, и объ интригѣ, умѣло и успѣшно осуществленной. Припомнимъ факты (см. выше), направленные противъ него еще раньше и потомъ (сообщеніе А. Сапѣги въ 1598 г. о приготовленіи Самозванца—такъ можно понять крайне запутанное описаніе этого обстоятельства въ связи съ указаніемъ о жестокой ссорѣ бояръ съ Б. Годуновымъ) [1]). Уже это одно отстраняетъ возможность приготовленія такого лица въ Польшѣ, а послѣ того, какъ установилось мнѣніе, что письмо Д. Самозванца къ папѣ Клименту VIII принадлежитъ москвитянину, не приходится говорить о ставленникѣ Польши [2]). Только физіогномія (на портретѣ Луки Киліана), какъ будто подкрѣпляетъ показаніе Буссова о бѣлорусскомъ происхожденіи Самозванца, настойчиво поддерживаемомъ Д. И. Иловайскимъ [3]); но нитей подобной подготовки мы не видимъ, иначе обнаружились бы нѣкоторые доброжелатели, каковые, по существующимъ указаніямъ, были въ предѣлахъ отечества. Русскія извѣстія (Хронографы) и иностранцы (Буссовъ) въ одинъ голосъ говорятъ (какъ и высказалъ самъ Борисъ), что появленіе Самозванца было дѣломъ замысла бояръ и ихъ рукъ, и розыскъ 1601 года стоитъ въ тѣсной связи съ этимъ подозрѣніемъ, хотя и прикрытый иными мотивами (чаро-

---

наша моногр. „Скопинъ-Шуйскій"; ср. Шлоссеръ, IX, 52; X, 106; Буркхардтъ, Культура Италіи, 99; Paul. Jovius, Histor., II, 47. Еще въ 1600 г. сынъ Бориса ц-чъ Θеодоръ писалъ въ Троицкій монастырь о болѣзни отца, конечно, тяжкой. Вѣроятно, онъ былъ подверженъ заболѣваніямъ.

[1]) Архивъ Сапѣгъ, I, 176—180.

[2]) См. Strona Językowa orygin. polsk. listu Dym. Sam. do pap. Klemensa VIII, 24 kw. r. 1604, napis. J. Baudouin de Courtenay, Kr., 1899; Ст. Пташицкій, Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII, 24 апр. 1604 г., съ 8-ю автотип. снимками, Спб., 1899; Рус. Стар. 1898, № 5 и разборъ у Пирлинга. Ср. еще замѣчанія Е. Н. Щепкина, представляющія нѣк. уклоненіе (Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ., IX, 343—344).

[3]) Рус. ист., т. IV, гл. 1-я и прим.

Масса прямо говоритъ: „Людей, похожихъ на Лжедимитрія, можно найти множество. Я самъ послѣ его смерти видѣлъ, по крайней мѣрѣ, десять человѣкъ, на него похожихъ" (228—229). Типъ этотъ средняго и служилаго класса, какой встрѣчается нерѣдко.

дѣйство и проч.) [1]); но нападенія дѣлались на тѣхъ, кого болѣе боялись.

Конечно, если бы теперь появился такой участникъ, то его легко обнаружили бы, но и слѣдствіе объ убіеніи Димитрія, воцареніе Д. Самозванца, и, наконецъ, столь же спѣшная расправа съ нимъ слишкомъ далеки были отъ цѣли разобрать истину, а потомъ старались замести и самые слѣды. Казачество, безпокоившее уже Польшу (начиная съ Баторія) и привлекавшее къ себѣ вниманіе даже въ Вѣнѣ и во Франціи [2]), съиграло въ руку претенденту; но и это не помогло бы (силы были все-таки не равныя), если бы не измѣна вождей русской рати и смерть Бориса: Самозванецъ погибъ бы среди войска или, приведенный въ Москву, испыталъ бы участь, какая постигла многихъ, ему подобныхъ, и, можетъ быть, тогда раскрылась бы самая измѣна. Поэтому совершенно правъ былъ Смитъ, когда писалъ: „Во всякой другой странѣ, болѣе образованной, съ этими обстоятельствами справились бы безъ затрудненій". Измѣна внутри и поддержка извнѣ спасли дѣло Самозванца, который еще въ Добрыничахъ потерялъ было надежду на успѣхъ своего предпріятія [3]).

IV.

Если дѣло объ Отрепьевѣ считать фикціей, то она не такъ проста, какъ кажется. Принимая во вниманіе показанія слѣдственнаго дѣла, ц-чъ Димитрій, пожалуй, и не годился бы для той роли, какую выполнилъ Самозванецъ, да и трудно допустить, чтобы отъ такого разрушающагося субъекта, какимъ былъ Грозный въ послѣдніе годы, могъ родиться вполнѣ нормальный ребенокъ [4]). Какъ бы

[1]) Хронологію событія см. выше.

[2]) Записки Лассоты; А. П. Стороженко, Стефанъ Баторій и днѣпровскіе казаки, К., 1904; Зап. Общ. Шевченка, 1904; Варкочъ; Ранке, Папы, II, 282. Въ этой средѣ признаніе Димитрія долго поддерживалось (Акты Моск. госуд., I, 168).

[3]) Путеш. сэра Томаса Смита и пребываніе его въ Россіи, изд. гр. С. Д. Шереметева, Спб., 1893, стр. 58.

[4]) Физіологическія основанія см.: П. И. Ковалевскій, Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе, Х., 1893. „Не слѣдуетъ, однако, причислять къ идіотіи тѣ случаи, въ которыхъ съ ранней юности замѣчается большое душевное отупѣніе или бездушіе, выказывающееся въ дурныхъ привычкахъ, напр., въ видѣ грубости, злости, безжалостности и т. п., хотя въ нѣкоторомъ смыслѣ онѣ и зависятъ отъ извѣстнаго психическаго недостатка,

ніи смотрѣть на дѣло Самозванца, но нельзя пренебрегать данными, связанными съ именемъ Отрепьева. Маржеретъ въ Россіи [1]) и Фр. Соранцо въ Прагѣ [2]) полагали возрастъ Самозванца въ 24—26 лѣтъ, т. е. нѣсколько старше ц-ча Димитрія (род. 1583), но это, пожалуй, было бы несущественно, если бы малѣйшая подробность не играла въ настоящемъ случаѣ значенія. Если же въ 1603 — 1604 г.г. Д. Самозванцу было именно столько лѣтъ, то онъ долженъ былъ родиться въ 1579 — 80 г.[3]). Съ другой стороны, извѣстно, что Юрій Отрепьевъ постригся подъ вліяніемъ Трифона Вятскаго, который склонилъ его къ тому, будучи въ Москвѣ, причемъ Отрепьеву было тогда 14 лѣтъ (Повѣсть въ Иномъ сказаніи). Въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что это произошло, когда Трифонъ посѣщалъ Москву по дѣламъ своего монастыря (грам., данная ему въ 7103 г., слѣдов., 1595 г.) въ званіи игумена, послѣ чего онъ получилъ санъ архимандрита: по „житію" Трифонъ былъ въ Москвѣ въ 1589 г. у патр. Іова, который сталъ патріархомъ въ этомъ году и благоволилъ къ Трифону; архимандритомъ же онъ называется уже въ 1599 г.[4]) и, судя по указаннымъ грамотамъ, бывалъ въ Москвѣ въ 1595 и 1599 г.г.[5]), а слѣдовательно онъ могъ встрѣтиться съ Отрепьевымъ именно въ 1595 г. (Иное сказаніе называетъ его еще игуменомъ). Постригшись, Юрій Отрепьевъ принялъ имя Григорія [6]). Затѣмъ онъ

который называютъ иногда моральною идіотіею, душевнымъ извращеніемъ и т. д. Недостатки эти можно замѣчать какъ у хорошо, такъ и у дурно развитыхъ дѣтей, и они никоимъ образомъ не связаны непремѣнно съ задержкою умственнаго развитія" (Гризингеръ, Душевныя болѣзни, 406). Подобныя противоположности даже обычны (Dr A. Cullerre, Les frontières de la folie, Границы сумасшествія, изд. проф. П. И. Ковалевскаго, X., 1889, с. 131).

1) Стр. 310, 314.

2) Стар. и Нов., XIV, 350.

3) Лѣта, конечно, опредѣлялись по наружному виду и не могли быть точной датой.

4) Житіе, изд. ред. Прав. Соб., стр. 80, 96, 133, 134

5) Ср. Акты Археограф. экспед., II, № 11, 1599 г., гдѣ онъ названъ архимандритомъ.

6) Родословная Отрепьевыхъ въ рук. Воскресен. мон., Р. Арх. 1878, I, 487 — 489. — Постригся онъ въ Желѣзно-Борков. мон. (въ 40 верстахъ отъ Галича, куда снова потомъ сбѣгалъ), на что указываетъ болѣе свѣдущій въ этомъ случаѣ кн. Катыревъ-Ростовскій (Рус. ист. Библ., XIII, 568, 638), въ предѣлахъ родныхъ ему мѣстъ, которыя захватывали Угличъ, Ярославль и окрестности Костромы, гдѣ было Дѣдино, имѣніе Романовыхъ, районъ, „полный разсказовъ о событіяхъ 1591 г." (Гр. Шереметевъ,

странствуетъ по монастырямъ, возвращается въ Москву и получаетъ въ Чудовѣ монастырѣ санъ діакона, при участіи архим. Пафнутія (былъ игуменомъ съ 1595—1604)[1]), у коего жилъ въ келліи, сочинялъ каноны[2]), сталъ извѣстенъ патр. Іову, который бралъ его съ собой „въ царскую думу", впалъ въ ересь (т. е. слиберальничалъ) или проговорился и бѣжалъ въ Литву. Въ дневникѣ Шмальца также сказано, что Димитрій пошелъ странствовать по монастырямъ и потомъ сбѣжалъ въ Литву[3]). Исходя отъ 1595 г. по 1604 г., приблизительно выйдетъ то же[4]). Любопытно, что слухъ о появленіи Самозванца въ 1600 году[5]) совпадаетъ съ боярскимъ розыскомъ[6]) и слѣдствіемъ въ Хлыновскомъ монастырѣ въ 1601 г., произведеннымъ дозорщикомъ Рязанцевымъ и сопровождавшимся временнымъ заключеніемъ Трифона и уходомъ его изъ монастыря, послѣ чего (1602 г.) назначенъ былъ новый игуменъ (Іона Маминъ)[7]), хотя и изъ уче-

Стар. и Нов., VII). По оффиціальному указанію, служилъ онъ у Романовыхъ и у кн. Бор. Черкасскаго, гдѣ заворовался (Собр. государ. грам., II, 522), т. е. провинился. Въ древнихъ документахъ „воровство" имѣетъ широкое толкованіе: всякое преступленіе, связанное съ обманомъ и мошенничествомъ.

[1]) Списки Строева, с. 163. По рекомендаціи протоп. Успенскаго собора, Евѳимія, ходатайствовавшаго за него передъ архимандр. (дополн. къ стат. списку пос. кн. Волконскаго, Моск. арх. ин. дѣлъ, дѣла польскія, № 26; Е. Н. Щепкинъ въ рецензіи на книгу С. Ѳ. Платонова, Голосъ Минувшаго 1913, № 10, с.с. 279—284). Въ 1605 г. Пафнутій возведенъ въ митр. Сарскіе. Въ Чудовомъ мон. подвизался и дѣдъ Гр. Отрепьева, Замятня-Отрепьевъ, отецъ послан. въ Польшу Смирнова-Отрепьева (Стар. и Нов., VII, 238, примѣч.).

[2]) Указаніе на составленіе каноновъ Г. Отрепьевымъ (Москвит. 1841, I, 215—216), что пріурочиваютъ къ школѣ тогдашнихъ пѣвцовъ (гр. С. Д. Шереметевъ).

[3]) Стар. и Нов., XIV, 452. Правда, въ оффиціальномъ актѣ (посол. Огарева) виды воровства перечислены широко (разбивалъ, кралъ, игралъ въ кости, пилъ, убѣгалъ отъ отца), но могли быть и преувеличены для большаго впечатлѣнія.

[4]) О службѣ Отрепьевыхъ см. Десятни XVI вѣка (Опис. докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. арх. Мин. Юст., VIII, 1891, стр. 34—35); Боярскій списокъ 1610—1611 г. (Чт. въ Общ. ист. 1909, III, 92—93) и Кормленую книгу 1613—1617 гг. (ib. 1912, II, 185). По дворянскимъ же спискамъ (десятнямъ) видно, что *Отрепьевъ* могъ быть только *немного старше Димитрія царевича*. Ср. еще: Гр. Ал-дръ Бобринскій, Дворянскіе роды, Спб., 1890, I (родъ Нелидовыхъ-Отрепьевыхъ).

[5]) Маржеретъ, 292.

[6]) Маскѣвичъ говоритъ о появленіи Самозванца въ Польшѣ въ 1602 году, согласно съ Варлаамомъ.

[7]) Строевъ, 802. С. Ѳ. Платоновъ, отвергая „Извѣтъ", стоитъ за Отрепьева (въ собр. статей).

никовъ Трифона, но относившiйся къ нему весьма враждебно [1]), а реабилитацiя Трифона произошла уже въ цар. Василiя Шуйскаго [2]). Само собою понятно, что въ счетъ 7 лѣтъ, указанныхъ выше, входятъ и странствованiя Гр. Отрепьева по западно-русскимъ монастырямъ. Здѣсь кстати присоединяется и „даръ" тремъ монахамъ (т. е. ему и вышедшимъ съ нимъ за границу—Варлааму Яцкому и Мисаилу Повадину), какъ сказано въ записи книги о „Постничествѣ" Василiя Великаго, одного изъ столповъ православiя [3]), кн. Конст. Конст. Острожскимъ, слѣдовательно тутъ не можетъ идти пока рѣчи объ арiанствѣ, да и сынъ его Янушъ держался католическаго исповѣданiя, хотя кн. К. Острожскiй снисходительно относился къ иновѣрцамъ вообще. Напомнимъ, что князь Курбскiй, столь близкiй по дружественнымъ отношенiямъ и по духу къ кн. Острожскому [4]), попрекалъ его за эту податливость въ дѣлахъ вѣры и заставилъ его даже оправдываться [5]). Утверждать, что запись на книгѣ („намъ") писалъ непремѣнно Григорiй, трудно. Можно иначе думать по сравненiю почерковъ Д. Самозванца и указанной записи. Равнымъ образомъ можно думать, что прибавка при имени „Григорiю" (снизу) внесена позже, другою рукою, но какъ приписка, сдѣланная на югѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманiя. Книга эта, вѣроятно, потомъ, во время передрягъ, была забыта или оставлена получившими ее. Могъ запись сдѣлать и Варлаамъ, который, судя по „Извѣту", способенъ былъ излагать событiя послѣдовательно. Оба спутника Отрепьева не были какiе-нибудь темные монахи, какихъ было не мало, а принадлежали къ служилому классу и посѣщали домъ кн. Ив. Ив. Шуйскаго [6]), и въ бесѣдѣ съ Григорiемъ Варлаамъ прекрасно различалъ родню Отрепьева (Замятню и Смирнова) [7]). Самъ онъ, какъ при-

---

[1]) Житiе, 86—92.

[2]) Дозорная книга Хлын. Успен. мон. 1601 г. въ Памятн. кн. Вятской губ. на 1902 годъ, съ предисл. А. В. и замѣч. по этому дѣлу, Ист. Вѣстн. 1902, № 7, с. 284—285; № 10, с. 393—397; Житiе, 95—98, 133).

[3]) Записки Рус. Археол. Общ., т. VIII, с. 56—73.

[4]) Завѣщ. его, Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 228—240.

[5]) Сказ. кн. Курбскаго, стр. 251—287.

[6]) Отмѣтимъ, что Е. Н. Щепкинъ различаетъ двухъ Варлаамовъ: автора „Извѣта" (при Василiѣ Шуйскомъ) и спутника Самозванца, упоминаемаго п. Iовомъ, но признаетъ совпаденiя между показанiями Димитрiя и русской (оффицiальной) традицiей (ib. IX, 346—347).

[7]) Упоминаемый въ другомъ мѣстѣ Леонидъ могъ быть такой же пришлый монахъ, какихъ было не мало тогда въ Западной Россiи, отчасти

знался, „постригся въ немощи". Пребываніе всѣхъ трехъ спутниковъ въ Острогѣ въ половинѣ 1602 г. подтверждается письмомъ Яна Острожскаго. Если въ московскихъ предѣлахъ, по свидѣтельству Іова, Отрепьевъ склоненъ былъ къ ереси и вольностямъ, то не удивительно, что онъ заявилъ себя такимъ и въ Кіевѣ, и въ Острогѣ; но только въ Гощѣ завершился кругъ его понятій, усвоенныхъ вольнолюбивымъ юношей, терпимся въ боярскихъ покояхъ и воспитаннымъ въ монастыряхъ, а что подобныя превращенія были возможны, свидѣтельствуютъ процессы еретиковъ отъ времени Ивана III до Ивана IV и болѣе поздніе примѣры (кн. Ив. Хворостинина).

Поддержка, оказанная таинственному пришельцу кн. Константиномъ Острожскимъ и Вишневецкимъ, объясняется ихъ враждебнымъ отношеніемъ къ Борису[1]). Ад. Вишневецкій недоволенъ былъ Борисомъ за разоренія его пограничныхъ замковъ и городовъ: Прилукъ на Удаѣ и Спѣшина на Сулѣ[2]). Собственно то, о чемъ сообщаетъ Варлаамъ въ „Извѣтѣ" ц. Василію, было извѣстно и Борису, и онъ называлъ по имени тѣхъ же бѣглецовъ, ушедшихъ за рубежъ[3]), а онъ имѣлъ своихъ усердныхъ агентовъ въ Южной Руси, которые вели торговыя дѣла съ Москвою, какъ напр., Сенька Андреевъ сынъ Волковскій-Овсяный, доносившій о готовившейся смутѣ въ февралѣ 1604 г. и посылавшій своего человѣка въ Москву, за что и получалъ отъ Бориса денежное жалованье[4]). Такимъ образомъ показанія о трехъ бѣглецахъ и странствованіяхъ за границей въ грамотахъ ц. Бориса, въ записи на книгѣ Василія Великаго и въ „Извѣтѣ" Варлаама сходятся, хотя всѣ они появились независимо другъ отъ друга, и въ свою очередь могутъ быть подкрѣплены письмомъ кн. Януша Острожскаго и сообщеніемъ Ад. Вишневецкаго королю, а также до-

---

богомольцевъ, а то и провинившихся бѣглецовъ (ср. Иное сказаніе и Повѣсть како восхити) и указываетъ, что они могли сближаться и расходиться въ пути.

[1]) Сборн. Р. И. Общ., CXXXVII, 176, 248, 321, 430—433, 578, 757—758.

[2]) Напомнимъ о сильномъ возбужденіи въ пользу Д. Самозванца въ 1604 г. въ Прилукахъ и Лубнахъ (Лазаревскій, Опис. старой Малороссіи, III, 80—81).

[3]) Сборн., 177—178, 280, посольства Огарева и Пальчикова.

[4]) Кулишъ, Матеріалы для ист. возсоед. Руси, т. I, 21—33. Сношенія между Москвою и Южной Русью (религіозныя и торговыя) имѣли здѣсь свое значеніе. О слухахъ, заходившихъ оттуда въ глубь Россіи, см. въ дѣлѣ о Велетовыхъ панахъ (Акты историч., II, 67; III, 183). Поѣздка Пирлинга въ Самборъ не дала существенныхъ результатовъ (Р. Стар. 1910, № 2).

несеніемъ Рангони папѣ Павлу V, съ соблюденіемъ той же послѣдовательности событій[1]) (пребываніе у Гойскаго, у Ад. Вишневецкаго, объявленіе княземъ московскимъ, какъ и въ „Извѣтѣ"), съ тѣмъ же заявленіемъ о продолжительномъ пребываніи въ монастыряхъ (какъ у Шмальца) и тою же характеристикою о наклонности московскаго претендента къ нарушенію русскихъ обычаевъ, какую проявилъ потомъ сидѣвшій на престолѣ (особенно рельефно она выражена у Массы и подтверждаетъ подозрѣнія, высказанныя Мнишкомъ)[2]); такъ что Шлецеръ справедливо выразился по поводу сверженія Петра III: „Никогда я такъ искренно не убѣждался въ практическомъ изученіи исторіи, какъ во время этого переворота. Всѣ тѣ ошибки, какія сдѣлалъ 157 лѣтъ тому назадъ извѣстный Лжедимитрій, повторилъ Петръ III. Можно ли вообразить, что несчастный впалъ бы во второй разъ въ эти ошибки, если бы зналъ ихъ, т. е. если бы онъ не былъ полнымъ невѣждой въ своей исторіи"[3]).

V.

Продолжая ту же аналогію, замѣтимъ, что въ Синодикѣ Макарьевскаго Унженскаго мон., списанномъ съ болѣе древняго, послѣ царей Рюрикова дома и Бориса Годунова, передъ ц.ц. дома Романовыхъ вписанъ родъ Отрепьевыхъ, причемъ имя Григорія сопровождается эпитетомъ „убіеннаго"[4]). Рождается вопросъ: кто могъ интересоваться внесеніемъ въ монастырскій Синодикъ опальной фамиліи? Конечно, прежде всего родственники, и самый порядокъ записей указываетъ какъ бы на время составленія послѣднихъ, хотя, при перепискѣ рукописи, онъ могъ быть и измѣненъ; но представляется нѣсколько страннымъ, когда внесеніе самой фамиліи Годуновыхъ являлось не совсѣмъ удобнымъ. Объясненіе можетъ быть одно, что смерть примиряетъ противниковъ, а монастырь того времени не всегда слѣдовалъ оффиціальнымъ теченіямъ и, напротивъ, иногда прояв-

---

1) Р. Стар., 1901, № 12, с. 622—624. Со словъ Самозванца Рангони сообщаетъ и случай изъ поѣздки Ивана Грознаго въ Кирилловъ монаст. (см. ниже).

2) Собр. госуд. грамотъ, т. II, благодаря еще секретарю протестанту.

3) Автобіогр., 197—198.

4) Пользуемся ссылкой въ передачѣ сообщенія, сдѣланной въ Общ. Люб. древн. письм. (Ист. Вѣстн. 1901, № 3, с. 1232).

лялъ въ подобныхъ случаяхъ своего рода оппозицію правительству. Но въ томъ же Синодикѣ оказываются и другія любопытныя данныя. Такъ, въ немъ упоминается имя „инока Леонида“ [1]), причастнаго къ похожденіямъ Самозванца, котораго нѣкоторые изслѣдователи (Е. Н. Щепкинъ) превращаютъ въ „Леониду“ (въ записи Синодика), т. е. Елену Шереметеву, 3-ю жену ц-ча Ивана Ивановича (сына Ивана Грознаго). Конечно, чтобы сдѣлать правильное сужденіе, нужно видѣть Синодикъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, намъ извѣстны три Синодика названнаго монастыря [2]). Изъ сообщенныхъ свѣдѣній слѣдуетъ заключить, что они переписывались и пополнялись. Вообще Макарьевскій Унженскій м-рь привлекалъ къ себѣ знатныхъ жертвователей и почитателей. Такъ, въ 1631 г. пожертвовали монастырю ц. Михаилъ Ѳед. и патр. Филаретъ 150 р., ц-ца Марѳа Ивановна 100 р., въ другой разъ ц. Михаилъ Ѳед. далъ по ц-цѣ Маріи Владиміровнѣ 30 руб. Далѣе идутъ пожертвованія бояръ Романовыхъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ, Годуновыхъ, Шереметевыхъ, братьевъ Строгановыхъ и т. д.; „ризы“ отъ ц. Ивана Грознаго и тутъ же „ризы положенія“ Андрея Клешнина (17—20), извѣстнаго по дѣлу цар-ча Димитрія. Судя по сообщенію, сдѣланному 12 января 1901 г. въ Обществѣ Любителей древней письменности, въ Синодикѣ записаны имена *первыхъ царей Романовыхъ;* поэтому хотя онъ былъ списанъ съ древняго (вышелъ изъ употребленія при патр. Филаретѣ), но былъ писанъ позже. По описанію же (Лѣтопись Макарьевск. мон.) оказывается, что въ концѣ XVII вѣка здѣсь жилъ *монахъ—лѣтописецъ—Леонидъ,* очень заботившійся о книжныхъ интересахъ монастыря, составившій его лѣтопись, доведенную до 1694 года, и внесшій въ библіотеку монастыря 2 рукописи: „о житіи и чудесахъ преп. Макарія“ и, кромѣ того, описавшій постройки, сдѣланныя въ мон-рѣ. Не онъ ли участвовалъ и въ перепискѣ и въ пополненіи Синодика? [3]) и возможно, что онъ внесъ и свое имя для поминанія („инока Леонида“). Это ближе къ истинѣ, нежели другія предположенія на этотъ счетъ. Далѣе. Въ 1701 году управителемъ и переписчикомъ имуще-

---

[1]) По вступленіи въ предѣлы Россіи, Д. Самозванецъ имѣлъ при себѣ монаха Леонида, котораго выдавалъ за Отрепьева.

[2]) Опис. старин. рукоп., хранящ. въ Макарьевскомъ Унженскомъ мон. Костром. епархіи, И. Херсонскаго, Костр., 1887; ср. Лѣт. Макар. Унжен. мон. Костр. еп., его же, в.в. I—II, К., 1892, 188.

[3]) Херсонскій, II, 24—28, 49.

ства Макарьевскаго монастыря состоялъ стольникъ Иванъ Леонт. *Нелидовъ*, который такъ порадѣлъ о нуждахъ монастыря, что приписалъ къ нему многихъ крестьянъ: вмѣсто ранѣе бывшихъ 467 дворовъ, за монастыремъ оказалось 668 дворовъ, по поводу чего возникли на него жалобы [1]). Нелидовы и позже встрѣчаются жертвователями, вотчинниками и судьями въ окрестности Унженскаго мон. [2]). Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если тотъ же Нелидовъ позаботился (или благодарный ему игуменъ) внесеніемъ рода Нелидовыхъ въ Синодикъ, въ который, какъ мы видѣли, охотно вписывали имена лицъ, видныхъ по своему положенію. Такимъ образомъ въ Синодикъ могъ быть записанъ, какъ происходившій изъ фамиліи Нелидовыхъ, *и Отрепьевъ*, о которомъ идетъ тутъ рѣчь съ упоминаніемъ, какъ объ „*убіенномъ*", а мы знаемъ, что память о событіяхъ, связанныхъ съ 1591 г. и смутой, долго еще держалась въ служебной и церковной средѣ (дѣла Битяговскаго и Качанова, см. выше). Кромѣ того, извѣстно, что въ 1671 г. царь Алексѣй Михайловичъ указалъ писаться Ѳедору Иванову сыну Отрепьеву и сродникамъ его, по ихъ челобитной, прежнимъ прозваніемъ Нелидовыми, и его „великаго государя именной указъ записанъ былъ въ разрядѣ въ записную книгу" [3]).

VI.

Обратимся къ другому спорному вопросу, относящемуся ко времени пребыванія Д. Самозванца на Волыни. Здѣсь я долженъ не согласиться съ доводами покойнаго Александренка [4]). Въ предисловіи и примѣчаніяхъ къ изданнымъ послѣ его смерти матеріаламъ (Стар. и Нов., кн. XIV) утверждается, что семья Острожскихъ покровительствовала антитринитаріямъ, и что, если бы Димитрій не попалъ случайно къ Вишневецкому, то онъ вступилъ бы въ бракъ съ аріанкой, причемъ Анна, дочь кн. Конст. Острожскаго, даже скрывала его

[1]) Ibid., 40—44.
[2]) Ibid., 189, 263, 277—278.
[3]) Рус. Арх. 1878, I, 489. Е. Н. Щепкинъ, Крат. изв. о Лжедим. I (челобитная), стр. 9; ср. Чт. Общ. ист. 1909, III, 147—152; Опис. докум. М. арх. Мин. Юст., XI, 325, 392.
[4]) Документы эти, какъ и матеріалы о пребываніи „мазепинцевъ" за границею (Сборн. Кіев. Ком. для разбора древ. актовъ, II), были переданы къ напечатанію при нашемъ посредствѣ.

у аріанъ (189, 453, примѣч); но это—странное недоразумѣніе. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что дочери Анны у кн. К. К. Острожскаго не было (Бонецкій, Вольфъ и др. и сочиненія о кн. Острожскихъ)[1]. Младшій сынъ кн. К. Острожскаго А-дръ († 1603) былъ женатъ на Аннѣ Косткѣ (Кощанкѣ), отъ которой онъ имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей, и младшая изъ нихъ дѣйствительно называлась Анна съ прибавленіемъ имени „Алоиза", слѣдовательно была внучкой предъидущаго, но она родилась лишь *въ 1600 г.* и отличалась суровымъ католичествомъ[2]. Поэтому ни о какой Аннѣ въ данномъ случаѣ рѣчи быть не можетъ. Второй сынъ князя К. Острожскаго, Константинъ, женился на Ал. Тышкевичъ и умеръ ок. 1588 г. бездѣтнымъ. Дочери кн К. Острожскаго—Елисавета вышла за Яна Кишку (упомин. замужемъ въ 1574 г.) и вторично за Х. Радзивила, умерла же въ 1599 г., а вторая дочь—Екатерина была замужемъ за тѣмъ же Хр. Радзивиломъ (съ 1578 г.) и умерла въ 1579 г. (у нихъ былъ сынъ Янушъ). Остается старшій сынъ кн. К. К. Острожскаго — Янушъ. Онъ былъ женатъ три раза (отъ 2-ой жены дѣтей не было, отъ 3-ей сынъ умеръ 5 лѣтъ) и отъ 1-ой—Сусанны Середы (съ 1582) онъ имѣлъ дочерей: Елеонору, бывшую замужемъ за Іер. Язловицкимъ, ум. въ 1607 г. бездѣтнымъ, и за Ян. Радзивиломъ, и 2-ю Евфросинію, за кн. Ал. Заславскимъ. Слѣдовательно. если можетъ идти рѣчь о мимолетной мечтѣ Димитрія относительно брака съ дочерью кн. Острожскаго, то, конечно, не Константина Константиновича, а съ одной изъ дочерей сына Януша, какъ единственныхъ тогда княжнахъ Острожскихъ, подходящихъ по возрасту, одна изъ которыхъ могла быть замужемъ, но ни одна изъ нихъ имени Анны не носила. Притомъ до насъ дошло письмо Януша Острожскаго къ королю польскому (братья и сестры Януша тогда уже умерли) о томъ, что онъ знаетъ Димитрія около нѣсколькихъ лѣтъ (письмо отъ 2 марта 1604 г.)[3], котораго онъ называетъ *москвичемъ*. и сообщаетъ, что отецъ его по поводу Димитрія сносился со своими благопріятелями о положеніи дѣлъ въ Москвѣ, посылая туда за хлѣбомъ, быть можетъ, даже только подъ предлогомъ послѣд-

---

[1]) Позднѣйшее г. Викторовскаго, въ Труд. Кіев. Дух. Акад., 1908 г., № 9 и дал.

[2]) Анна Алоиза Острожская, О. Левицкаго, въ Кіевск. Стар., 1883, № 7, съ портретами ея и ея матери.

[3]) Слѣдовательно появленіе его въ тѣхъ предѣлахъ по меньшей мѣрѣ должно относиться къ 1601 г. (ср. Маржерета).

няго[1]), и хотя онъ осторожно выражается о знакомцѣ, который *не мало времени былъ у его отца,* но ясно обнаруживаетъ недовольство по поводу того, что онъ уклонился къ анабаптистамъ. Притомъ самъ Янъ Острожскій и его жена (Середа) были ревностными католиками, и хотя онъ не притѣснялъ православныхъ, но, по своей дѣятельности, заслужилъ похвалы іезуитовъ[2]). Самое донесеніе венеціанскаго посла Фр. Соранцо о Димитріѣ, послужившее поводомъ сказанному, выражено условно. Онъ пишетъ: „пишутъ, будто возьметъ въ супруги дочь польскаго кн. Острожскаго“, причемъ не сказано какого[3]). Необходимо еще замѣтить, что на копіи письма Ян. Острожскаго съ нѣкоторыми варіантами (къ кор. Сигизмунду) отъ 2 марта 1604 г. стоитъ подпись Анны Острожской, очевидно, введшая въ заблужденіе Александренка о ней, какъ о дочери К. Острожскаго, но она, конечно, должна быть отнесена (стр. 428) къ женѣ умершаго брата Александра—Аннѣ, какъ единственной (за смертью другихъ членовъ семьи) имѣвшей право такъ писать[4]). Но сомнительно, чтобы даже въ настоящемъ случаѣ (т. е. относительно дочерей Януша) могла серьезно идти рѣчь о бракѣ одной изъ нихъ съ Димитріемъ[5]).

Далѣе, обращаясь къ мнѣнію польскаго автора (статьи въ варш. Przegl. Hist., 1907), будто бы подъ именемъ Матв. Твердохлѣба скрывается извѣстный троиц. игуменъ Артемій, бѣжавшій въ Литву при Іоаннѣ Грозномъ, по подозрѣнію въ ереси, слѣдуетъ сказать, что оно лишено всякаго основанія, и что личность этого предполагаемаго воспитателя Д. Самозванца опредѣляется другими данными, почему и сообщеніе Александренка (на стр. 191—192 и 543—545) должно подвергнуться значительнымъ поправкамъ. По лѣтописямъ и доку-

---

1) Стар. и Нов., 425.

2) Тр. Кіев. Дух. Акад., 1908, № 9, стр. 39—55.

3) Стар. и Нов., 348.

4) Имя ея часто встрѣчается на актахъ брацлавскихъ и кіевскихъ (Вольфъ, 358).

5) На основаніи документовъ Литовской метрики можно заключить, что польское правительство не сразу согласилось на условную поддержку Д. Самозванца, а, напротивъ, старалось собрать свѣдѣнія о немъ по тѣмъ вопросамъ, которые могли удостовѣрить его показанія, почему обращалось къ извѣстнымъ лицамъ въ Польшѣ: такъ, были установлены вопросные пункты, были получены и письма отъ разныхъ лицъ (Р. Стар. 1902, № 5; 1908, № 5 и № 12), свидѣтельствующія о весьма осторожномъ отношеніи къ этому дѣлу. Здѣсь же помѣщены и письма къ королю кн. К. К. Острожскаго и Яна Конст. Острожскаго, которые также совѣтовали ему осторожно относиться къ претенденту.

ментамъ фамиліи Твердохлѣбова не встрѣчается въ предѣлахъ сѣверной Россіи, и, напротивъ, въ актахъ южной Россіи сю называются крестьяне и дворяне Твердохлѣбы [1]). Въ этомъ изданіи напечатанъ судебный процессъ 3 іюля 1640 г., по обвиненію дворянъ Чапличовъ-Шпановскихъ въ томъ, что они, въ видахъ распространенія аріанской секты, открыли въ своихъ имѣніяхъ аріанскія школы, а въ м. Киселинѣ основали даже академію, для преподованія въ которой они пригласили изгнаныхъ изъ г. Ракова (нынѣ неважное мѣстечко Радомской губ.),—этой столицы аріанства въ Польшѣ, аріанскихъ вѣроучителей, коимъ позволяютъ свободно и открыто проповѣдывать свое ученіе, устраивая для этого въ своихъ имѣніяхъ съѣзды и даже многолюдныя собранія, а въ качествѣ учителей привлечены были къ суду двор. Матв. Твердохлѣбъ, Якубъ Гриневичъ-Гижановскій, Лукашъ Гуппевскій и др., которыхъ обвиняли въ распространеніи аріанской секты, открытіи въ м. Киселинѣ (Твердохлѣбъ былъ перемѣщенъ сюда общиной изъ Люблина для пользы дѣла) и Березцѣ—аріанской академіи и другихъ школъ и въ устройствѣ многолюдныхъ сборищъ въ интересахъ пропаганды своего ученія. Дѣло это разсматривалось во Владимірскомъ судѣ Волынскаго воеводства, но на это подана была аппеляція въ Люблинскій трибуналъ, на что судъ въ свою очередь представилъ репротестъ, въ которомъ заявлялъ, что онъ считалъ себя въ правѣ разсматривать дѣло, о чемъ и въ книги земскія Владимірскія тогда же было записано [2]). Дѣло Чапличей тянулось четыре года, и только въ 1644 г. послѣдовалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Березцѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ и объ изгнаніи отсюда еретиковъ. При этомъ владѣльцы имѣній подвергнуты были высокому штрафу, а такъ какъ они противодѣйствовали приведенію въ исполненіе приговора, то штрафъ былъ еще увеличенъ, и, кромѣ того, на Волыни былъ возбужденъ рядъ процессовъ противъ социніанъ и ихъ укрывателей [3]). Въ означенномъ дѣлѣ никакихъ указаній на прежнее монашество и московское происхожденіе Твердохлѣба нѣтъ, и если онъ былъ близокъ къ Димитрію и посѣялъ въ немъ сѣмена аріан.

---

[1]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, изд. Кіев. Ком., ч. VI, прилож. т. I, 430—434.

[2]) Ibid., ч. I, т. VI, 758—763.

[3]) О. Левицкій, Социніанство въ Польшѣ и Юго-Запад. Руси, Кіев. Стар. 1882, II, 217—224.

мнѣній, то и послѣ благодушнаго пріема депутаціи, во главѣ съ нимъ, у Димитрія въ Москвѣ надежды на полное осуществленіе плановъ общины не оправдались, такъ какъ, по выраженію современника, онъ „отвергъ истину познанія, захотѣвъ быть превыше гордыни“ [1]); однако пребываніе Д. Самозванца въ этой средѣ сказалось въ его религіозномъ вольнодумствѣ, которое значительно содѣйствовало потомъ и его разрыву съ римской куріей, дошедшей до брани папы и іезуитовъ, не выпускавшихъ его изъ своихъ рукъ [2]); а подъ конецъ они должны были сознаться въ безнадежности своего дѣла. По указаніямъ біографовъ, Твердохлѣбъ умеръ на Волыни въ 1645 г. Посланные въ Москву члены аріанской общины сообщили своимъ сочленамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о московскихъ дѣлахъ; но описаніе посольства, порученное Твердохлѣбу, до насъ не дошло [3]). У Твердохлѣба былъ сынъ Георгій, которому онъ поручилъ дальнѣйшее веденіе дѣлъ общины, пославъ его въ Данцигъ для изученія нѣмецкаго языка (388, 544). Былъ еще Яковъ Твердохлѣбъ, вѣроятно, его родственникъ. Одинъ изъ близкихъ къ общинѣ лицъ выражалъ сожалѣніе, что *Твердохлѣбъ и другой нѣкто не перемѣнили своихъ фамилій* (387, 543), какъ было принято. Отсюда ясно, что между послѣднимъ (Твердохлѣбомъ) и бывшимъ игумен. Троицко-Сергіевской лавры Артеміемъ нѣтъ ничего общаго. Князь Курбскій, сурово относившійся къ нѣкоторымъ примирительнымъ дѣйствіямъ кн. Острожскаго относительно противниковъ православія, не сталъ бы называть Артемія „мужемъ святымъ, преподобнымъ, честнымъ и премудрости исполненнымъ“, котораго онъ и беретъ подъ свою защиту отъ обвиненія въ „люторскихъ расколахъ“ [4]). Притомъ Артемій скончался *до 1575 г.* [5]), слѣдовательно и хронологически не мыслимо его отношеніе къ Д. Самозванцу. Поэтому выводы г. Мерчинка въ этомъ отношеніи есть плодъ недоразумѣній, объясняемыхъ незнакомствомъ автора съ русскими источниками [6]).

---

[1]) Стар. и Нов., 190—191.
[2]) Ibid., 453.
[3]) Ibid., 387—390, 543—545.
[4]) Сказанія, 130, 134.
[5]) Вилинскій, Посланія старца Артемія, 121; Садковскій, 143.

Въ то время, какъ тринитаріи возлагали на Димитрія свои надежды, Вен. Рутскій (впослѣдствіи уніатскій митрополитъ) въ Москвѣ совѣтовалъ ему посылать молодыхъ людей учиться въ Литву (Ж. М. Н. Пр. 1916, № 4, с. 145).

[6]) Aryanie polscy i Dymitr Samozwaniec (Przegl. Histor. 1907, мартъ — апрѣль, str. 170—180, Варшава). Между тѣмъ о. Пирлингъ назвалъ эту

Возвращаясь къ сказанному выше, необходимо замѣтить, что матеріалы, собранные Александренкомъ, дополняютъ нѣкоторыя черты къ хронологической послѣдовательности разсказа въ „Извѣтѣ“ Варлаама и къ характеристикѣ лица, царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, не позволяя, однако, отсюда дѣлать слишкомъ смѣлые и рѣшительные выводы. Судя по „Извѣту“, Варлаамъ вовсе не былъ малосвѣдущимъ простымъ монахомъ. Мы видѣли, что онъ зналъ семью Отрепьевыхъ настолько, что различаетъ ея членовъ. Онъ называетъ точно лица и событія во время пребыванія за границей, начиная съ Печерскаго архим. Елисея Плетенецкаго и отзыва его о вѣрахъ, свободно исповѣдуемыхъ въ Польшѣ (отзывъ, повторенный К. Острожскимъ, конечно, въ принципѣ только, но давно уже нарушенный на практикѣ), до хожденій своихъ и монаха Григорія, подтверждаемыхъ опять показаніями Януша Острожскаго, Ад. Вишневецкаго и свидѣтельствомъ социніанъ. Самъ Варлаамъ пострадалъ за откровенность относительно похожденій своего спутника, но былъ освобожденъ при содѣйствіи будущихъ родственниковъ Самозванца—Мнишковъ.

Понятно, что Д. Самозванецъ не былъ случайнымъ претендентомъ. Странное исчезновеніе такого предпріимчиваго и дѣятельнаго лица, какъ Аѳанасій Нагой, послѣ событія 1591 г., указывающее какъ бы на нить событій, не могло быть неожиданнымъ, а участіе Нагихъ должно смягчить и отношенія матери ц-ча Димитрія къ Самозванцу. Не напрасно же Борисъ могъ подозрѣвать въ московскихъ пожарахъ, случившихся до и вскорѣ послѣ убійства, дѣло рукъ Аѳанасія Нагого съ братіею[1]), хотя бы и неправильно, а Нагіе вообще были приближены потомъ къ Д. Самозванцу. Месть Борису и его семьѣ должна была скрѣпить союзъ близкихъ къ дѣлу лицъ, но кругъ ихъ не могъ быть обширнымъ, и уже потомъ къ нимъ присоединились другіе. Если Щелкаловы (на которыхъ указывалъ Д. Самозванецъ)[2]) и Строгановы хорошо знали послѣдствія 1591 г.[3]), то во владѣніяхъ послѣднихъ могъ быть удобный пріютъ болѣе смѣлымъ предприни-

статью замѣчательной (Историч. статьи и замѣтки, Спб., 1913, стр. 149), очевидно, также по недоразумѣнію.

[1]) Карамзинъ, X, прим. 250. Въ 1606 г. всѣ Нагіе признали фактъ убіенія ц-ча (С. г. гр. II, 300).

[2]) Ср. разсказъ А. Щелкалова Шилю въ томъ смыслѣ, что царевичъ живъ (въ 1594 г. ? въ монастырѣ); а Варкочу сообщали *за тайну*, что ц-ча нѣтъ въ живыхъ. Важно время опалы обоихъ Щ-выхъ (1594 и 1601 гг.).

[3]) Стар. и Нов. VII, 242.

мателямъ (вспомнимъ перепись и покровительство, оказанное Строгановыми послѣ гоненія Трифону Вятскому). Нельзя пройти молчаніемъ и показанія Хрущова о московскихъ дѣлахъ [1]), изъ которыхъ видно, какъ жаждали перемѣны на престолѣ даже тѣ, которымъ не слѣдовало быть въ лагерѣ Самозванца, причемъ родство разныхъ фамилій, столь сильное тогда, играло не послѣднюю роль [2]). Шиллеръ, изображая отношенія ц-цы Мароы къ мнимому сыну — Димитрію Самозванцу, объясняетъ ихъ именно ея психологическимъ состояніемъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, переживаемыхъ преслѣдованій [3]), а съ другой—мести за смерть сына Борису Годунову—мотивъ, нашедшій потомъ мѣсто въ драмѣ гр. Ал. Толстого.

VII.

По свидѣтельству иностранцевъ (Масса), москвитяне даже спѣшили предупредить месть Димитрія надъ Годуновымъ, а двое князей (В. В. Голицынъ и В. Масальскій) оказались достойными соратниками „большого негодяя А. Шерефединова" (156—157) при убіеніи Өедора Бор. Годунова [4]). Но злополучія семьи Бориса Годунова не помѣшали Петру В. и Екатеринѣ II иначе взглянуть на него и на дѣйствія его враговъ [5]). Конечно, избранное для извѣстной цѣли лицо должно было, если не признавать его обманщикомъ, задумавшимъ подобное предпріятіе на свой страхъ, быть болѣе или менѣе подходящимъ для ея выполненія. Данныя же, какими располагаетъ исторія, показываютъ, что это былъ не простой юноша, взятый въ моментъ переполоха въ Угличѣ, а изъ служилаго класса, побывавшій въ соотвѣтственной средѣ и достаточно знакомый по разсказамъ о недавнемъ прошломъ, конечно, неблагосклоннымъ къ Борису Годунову; а въ умѣ ему не отказываютъ и изслѣдователи (Соловьевъ, Пирлингъ, Гиршбергъ) [6]).

---

1) Собр. госуд. грам., т. II, 173—178.
2) Платоновъ, Смутное время, 308.
3) „И пятьнадесятъ лѣтъ въ скорби пребысть" (Авр. Палицынъ).
4) Существуетъ апокрифическое письмо ц. Өедора Борис. къ Д. Самозванцу (см. Путешествіе сэра Томаса Смита, XIII, 85—89), призывающее къ милости и уступающее ему престолъ, какъ законному наслѣднику.
5) XVIII вѣкъ, сборникъ, изд. Бартеневымъ, IV, 290—291.
6) Al. Hirszberg, Dymitr Samozw., 1898, а также записка Рангони.

Довершивъ свою школу въ монастыряхъ, куда обыкновенно отдавали люди средняго класса своихъ дѣтей въ ученіе, привыкнувъ къ подвижной жизни, довольно любознательный, начитанный въ церковныхъ книгахъ, съумѣвшій пріобрѣсть покровительство игумена важнаго въ Москвѣ монастыря[1]) и самого патріарха[2]), познакомившійся съ царскимъ обиходомъ; но достаточно легкомысленный и свободный на языкъ (угадать всѣ качества человѣка трудно въ его юности). Тутъ одно изъ двухъ: или онъ проврался и самъ сбѣжалъ[3]), или, предупрежденный другими, ушелъ во-время. Пребываніе за границей содѣйствовало его физическому и умственному развитію (пребываніе у запорожцевъ и Вишневецкаго сдѣлало его хорошимъ наѣздникомъ); но ни у антитринитаріевъ, ни у іезуитовъ (гдѣ будто бы всего три дня сидѣлъ за грамматикой и діалектикой) онъ не доучился[4]), а его свободомысліе наложило печать на его дѣйствія (ср. Хворостинина). Два-три года обращенія съ такими людьми, какъ Острожскіе, Вишневецкіе, антитринитаріи и почтенные отцы іезуиты, довершили развитіе этого способнаго, но неуравновѣшеннаго юноши[5]). Склонность къ религіозному вольномыслію давала себя чувствовать во всемъ, но политика, подсказываемая другими и здравымъ смысломъ, не безъ руководства этихъ другихъ же, взяла верхъ и пришлось пойти навстрѣчу сильному покровительству. Еще въ бытность его за границей іез. Велевицкій сѣтовалъ, что къ Димитрію слетаются аріане и

---

[1]) Близкій къ событіямъ суздальскій архіеп. Арсеній (грекъ) свидѣтельствуетъ, что Д. Самозванецъ сослалъ потомъ патр. Іова и двухъ архимандритовъ, одинъ изъ которыхъ былъ архим. Чудова мон. (Дмитріевскій, 100), но это не Пафнутій (соображенія Е. Н. Щепкина. Лѣт. Ист.-Фил. Общ., IX, 347—348), о которомъ ниже.

[2]) Напрасно думаютъ, что разсказы его поверхностны и уклончивы. Въ его сообщеніяхъ называются поименно жены І. Грознаго, говорится о предполагавшемся бракѣ царя съ англійской принцессой, перечисляются точно города, данные въ удѣлъ ц-чу Димитрію, и напрасно указываютъ его промахъ, когда онъ сообщаетъ о томъ, что первенецъ Іоанна IV — Димитрій утонулъ въ Бѣлоозерѣ вслѣдствіе печальной случайности. Это, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что ему хорошо были извѣстны нѣкоторыя подробности изъ болѣе отдаленнаго времени. Даже Курбскій, касающійся поѣздки Грознаго на Бѣлоозеро, и лѣтописи умалчиваютъ о печальномъ случаѣ съ его сыномъ, но объ этомъ говорятъ дьякъ Ив. Тимоѳеевъ въ своемъ хронографѣ (280) и голландецъ Масса (13).

[3]) Новый Лѣтописецъ (Врем. Общ. ист., XVII, 59). Пафнутій былъ митр. крутицкимъ.

[4]) Рус. Стар. 1901, № 12, с. 628.

[5]) Ср. его характеристику у Рангони (Пирлингъ). „Шалунъ, не исправленный монашествомъ“, по выраженію Смирнова-Отрепьева (Петрей).

прививаютъ ему ядъ нечестія, чтобы totam Moscoviam meficere [1]), а подъ конецъ его царствованія они совсѣмъ махнули на него рукой, и онъ, въ свою очередь, жестоко отзывался о своей связи съ ними [2]). Въ его планахъ реформы нельзя видѣть только черты отступничества и распущенности.

Какъ извѣстно, Иванъ Грозный рѣшался учредить училище съ латинскимъ языкомъ (Коллинсъ) и посылалъ молодыхъ дворянъ учиться нѣмецкому языку въ Германію (Курбскій). Онъ выписывалъ иностранцевъ, начиная отъ ремесленниковъ до навязанныхъ ему нѣмцемъ Шлиттомъ вовсе ненужныхъ богослововъ. Самъ Грозный велъ религіозные споры съ членомъ чешскихъ братьевъ Рокитою и любезно относился къ іез. Поссевину. Его движеніе на Ливонію, продолжавшееся при Θедорѣ и Борисѣ и дальнѣйшихъ преемникахъ, предшествовало болѣе зрѣлому плану Петра В., и не будь Грозный столь несдержанной натурой, онъ заслужилъ бы имя „Великаго", какъ и называли его нѣкоторые иностранные писатели, бравшіе даже на себя его защиту (отъ Маржерета до Трейера). Борисъ Годуновъ шелъ по тому же намѣченному пути. Онъ замышлялъ устроить школы съ иностранными языками и даже университетъ (Лопціусъ и др.) и дѣйствительно послалъ за границу свыше 10 молодыхъ людей учиться; онъ устраивалъ бракъ своей дочери съ иноземнымъ принцемъ, а съ цесаремъ римскимъ замышлялъ планъ о раздѣлѣ Польши и задумывалъ произвести реформу центральныхъ учрежденій и финансовой системы государства [3]). Если изъ посланныхъ за границу молодыхъ людей никто не возвратился въ Россію (какъ потомъ бѣ-

---

1) Стар. и Нов., XIV, 190. Пирлингъ полагаетъ, что въ дѣлѣ обращенія шла рѣчь только объ уніи. Въ к. XVI в. много плѣнныхъ въ Зап. Россіи было обращено въ католицизмъ (Зап. Общ. Шевченка, т. VIII).

2) „Механическій и наркотизирующій культъ іезуитовъ" (Лампрехтъ, III, 460) не могъ быть по сердцу Самозванцу, познакомившемуся съ другими религіями. Въ этомъ приговоръ и нѣкоторымъ нашимъ совращеннымъ верхамъ болѣе поздняго времени.

3) Стар. и Нов., кн. XIV.

Если Димитрій не убоялся вступить въ бракъ съ Мариной, обойдя нѣкоторыя церковныя формальности, то не слѣдуетъ забывать, что Иванъ Грозный сватался къ англійской принцессѣ, а Борисъ Годуновъ, вызвавъ жениха къ дочери, датскаго принца Іоганна, соглашался допустить нѣкоторыя религіозныя отступленія. Патр. Филаретъ поддерживалъ мысль о бракѣ сына съ иноземной же принцессой.

жали туда Ордины-Нащокины и Котошихины)[1], то и Д. Самозванецъ обѣщалъ москвитянамъ позволить свободно путешествовать и задумалъ преобразовать Боярскую Думу по образцу польскаго сената, готовился предпринять походъ противъ Турціи въ союзѣ съ иноземными государями (мысль популярная тогда на Западѣ) и, порвавъ связи съ іезуитами, замышлялъ воспользоваться замѣшательствами въ Польшѣ (заговоръ Зебржидовскаго)[2] для своихъ цѣлей, съ участіемъ многихъ пановъ.

Понятно, что, усвоивъ національные интересы, онъ не могъ уже довольствоваться своими приверженцами, и въ его совѣтѣ мы видимъ представителей, родственныхъ убитому царевичу фамилій и другихъ выдающихся членовъ боярства, такъ что поляки справедливо упрекали потомъ за все происшедшее бояръ, когда говорили, что въ совѣтѣ Д. Самозванца сидѣли: кн. Шуйскіе, Трубецкіе, Ростовскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Голицыны, Микитичъ, Ромадановскіе, Нагіе, Мосальскіе, Татевы, Салтыковы, Мстиславскій „и иншіе большихъ родовъ московскихъ бояре, а дворяне въ думѣ при боку его сидѣли, и дьяки думные и меньшіе“[3]). Но въ его натурѣ сказались всѣ тѣ, знакомыя намъ, черты, какими проявилъ онъ себя раньше въ Россіи и за границей. Самъ пройдя монастырскую школу, онъ могъ критиковать монашескіе нравы, говорить о необходимой реформѣ монастырей (въ Путивлѣ) и не стѣсняться въ случаяхъ нужды въ прикосновеніи къ монастырскимъ имуществамъ, что дѣлали раньше Иванъ Грозный и Б. Годуновъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя недовольство извѣстной части духовенства, хотя въ проявленіи своихъ религіозныхъ чувствъ онъ все-таки оказался умѣреннымъ. Влюб-

---

[1]) Уже при Михаилѣ Ѳед., по словамъ кн. Ивана Голицына, русскіе молодые люди лучшихъ семействъ охотно переходили за границу (Соловьевъ, IX, 470).

[2]) Польскій историкъ Іос. Шуйскій указывалъ на значеніе оппозиціи противъ Сигизмунда въ связи съ дѣломъ Д. Самозванца, а Евг. Барвинскій надѣется найти развязку вопроса о Самозванцѣ въ частныхъ польскихъ архивахъ въ связи съ предпріятіемъ также Зебржидовскаго. О той же связи см. въ нашей брошюрѣ „Сигизмундъ III и Д. Самозванецъ“. Польскіе (А. Гиршбергъ, ср. Дневн. М Мнишекъ, М., 1908) и католическіе писатели (П. Пирлингъ) болѣе безпристрастно стали относиться къ дѣятельности поляковъ и римской куріи въ дѣлѣ Самозванца. Какъ смотрѣли въ свое время на участіе въ немъ представители Польши (Гамель, 248). О дѣлѣ Зебржидовскаго также—Р. Стар. 1901, № 12, с. 625—626.

[3]) Акты Зап. Россіи, IV. 285. Отсутствіе имени Аѳанасія Нагого указываетъ на его смерть. В. Щелкаловъ былъ пожалованъ въ окольничіе.

чивый по молодости и по примѣрамъ, видѣннымъ въ Польшѣ, онъ рѣшается, несмотря на переговоры о бракѣ, посягнуть на невинность красавицы Ксеніи Годуновой [1]). Но наблюдательные иностранцы говорятъ намъ и больше. Такъ, Масса, приводя много данныхъ въ доказательство, что Д. Самозванецъ, вопреки разнымъ легендамъ, былъ убитъ, замѣчаетъ: „Что же касается нечистыхъ пальцевъ на ногахъ и длинныхъ ногтей, то это пустяки. Онъ, можетъ быть, никогда ихъ не чистилъ, хотя онъ довольно часто бывалъ въ банѣ. Ему было много дѣла съ молодыми монахинями и дѣвицами (въ подлинникѣ выражено грубѣе), которыя не спрашивали, не грязны ли его пальцы, не коротки ли или не длинны его ногти“ (228).

Когда фактъ совершился, Борисъ и его семья были низвергнуты и уничтожены, а событія стали складываться неблагопріятно, никто не имѣлъ интереса поддерживать неудачнаго претендента. Одинъ Басмановъ [2]), также не вѣрившій въ его происхожденіе, остался ему вѣренъ и погибъ вмѣстѣ съ нимъ [3]). Но боярство, сыгравшее столь непривлекательную роль въ гибели Годуновыхъ, не успокоилось на выборѣ Шуйскаго и также легко служило Тушинскому вору и Владиславу, пока, по выраженію Соловьева, ни явились коренные, основные люди: „Когда ударили бури смутнаго времени, то стрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сократиться“ [4]).

Гибель Д. Самозванца, конечно, много зависѣла отъ поляковъ, появившихся въ Москвѣ, и его дѣйствій, хотя подлогъ, рано или поздно обнаружившись, привелъ бы къ тому же. Роль Шуйскаго сама собою ясна (до прихода въ Москву Д. Самозванца и въ по-

---

[1]) Жалоба Мнишка въ Собр. госуд. грам., т. II, 243; свидѣтельства Л. Сапѣги и Массы; ср. Лавиль (у Аделунга, 135). Литературу о Ксеніи см. въ нашей монографіи „Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени“, стр. 13, примѣч. 2. Ксенія жила при немъ ок. 5 мѣс. (Кар. XI, пр. 403).

[2]) Родосл. Басманова (Р. Стар. 1901, № 11). Его характеристика въ современныхъ запискахъ.

[3]) Бояре знали, что царствующій Димитрій не истинный (Изб. хроногр., 291). Василій Шуйскій только поторопился заявить о томъ и чуть было не поплатился головой (Буссовъ). Ср. С. ч. гр. II, 263.

[4]) Соловьевъ, VIII, 424. — Вдумчивый хронистъ Тимоѳеевъ удачно охарактеризовалъ броженіе тогдашнихъ вождей политическихъ партій, много говорившихъ попусту и тратившихъ время, назвавъ ихъ выкрики „претворнымъ языковредіемъ“ (Рус. истор. Библ., XIII, 463). Суровый приговоръ надъ боярствомъ въ отзывѣ Ив. Насѣдки (Соловьевъ, VIII, пр. 64).

слѣдній моментъ), но большого іезуитизма въ Шуйскомъ мы все-таки не допускаемъ (т. е. отдаленной и сложной предумышленности). Въ то время, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ, во всѣхъ актахъ не соблюдали строгой правды, а писали такъ, какъ понадобится. Но и поступали также—по обстоятельствамъ времени. Приходилось присягать не одному Д. Самозванцу (вѣдь многіе думали, что онъ истинный), но и Вору и Владиславу, и любопытенъ въ этомъ случаѣ отвѣтъ Михаила Өедоровича, когда послы московскіе сказали неправду [1]). Конечно, Л. Сапѣга нашелъ хорошихъ союзниковъ въ боярахъ, но, сдѣлавши промахъ, отступился, какъ и Сигизмундъ III, который едва ли вѣрилъ искренно въ Димитрія. Изъ приведенныхъ выше писемъ разныхъ пановъ къ Сигизмунду видно, что главный мотивъ ихъ былъ—воспользоваться событіями въ Москвѣ для своихъ цѣлей, но не рисковать, если дѣло окажется невѣрнымъ. Однако, втянувшись въ это дѣло, они не разсчитывали встрѣтить отпоръ въ народныхъ чувствахъ и такъ были недальновидны, что не придавали даже значенія оставленію Михаила Өедоровича въ Москвѣ. Бучинскій могъ говорить лишнее, но не все въ его показаніяхъ и ложно. Если Д. Самозванецъ былъ убѣжденный (?) претендентъ, то всѣ его дѣйствія въ концѣ царствованія—естественны. Увидѣвъ легкость обмана, поляки, конечно, приложили все усердіе ко второму самозванцу (доказательство—наказъ, какъ ему дѣйствовать) [2]); но, безъ поддержки своихъ, русскихъ, и тутъ ничего не вышло бы. Въ дѣйствіяхъ І. Грознаго мы не видимъ какихъ либо опасеній на счетъ своего происхожденія, хотя у него ихъ могло быть больше. Романовымъ трудно было дѣйствовать, когда ихъ представитель былъ постриженъ, а потомъ находился въ плѣну, и пока не очистилась московская атмосфера; но эта „выдержка" имъ помогла. Отрепьевы сами свидѣтельствуютъ о своей ссылкѣ, а изъ родственниковъ и приверженцевъ Бориса было сослано 74 семейства (при Самозванцѣ). Заметаніе слѣдовъ само-

---

[1]) Когда на съѣздѣ московск. и польск. пословъ (1614) послѣдніе указывали на цѣлованіе креста Михаиломъ Өед. Владиславу, а первые отрицали и доложили о томъ въ Москвѣ, то царь отвѣчалъ: „И вамъ бы на съѣздѣ посламъ говорить, что мы королевичу крестъ цѣловали и то дѣлалось судьбами божіими" (Соловьевъ, IX, 67).

[2]) По рукописи кн. М. А. Оболенскаго (Соловьевъ, VIII, 211—218). Почти всѣ пункты этого наказа вращаются на уніи церковной, чтобы достигнуть политической цѣли, какъ всегда было въ условіяхъ воинствующаго католицизма.

званства было необходимо для однихъ, чтобы не быть скомпрометированными, а для другихъ—въ собственныхъ интерссахъ. Да и кто могъ явиться истцомъ въ такомъ дѣлѣ? Ѳеодосій астраханскій могъ поступить такъ, какъ онъ сдѣлалъ, по необходимости—дипломатично[1]). Обращеніе его напоминаетъ отвѣтъ матери Димитрія въ моментъ убійства Самозванца, которое не сопровождалось съ ея стороны никакими знаками сочувствія, какъ это, напротивъ, было во время катастрофы въ Угличѣ. Но и „молчаніе" другихъ было также своего рода дипломатіей. Конечно, обвиненіе, взведенное на Д. Самозванца относительно гибели бояръ,—слухъ, пущенный нарочно для извѣстнаго воздѣйствія на умы (Масса), а тѣ, кто изъ нихъ повѣрилъ, могли поддаться обычному страху.

VIII.

Таинственное обстоятельство въ Угличѣ, удачный побѣгъ за границу, странствованія по монастырямъ и дворамъ знатныхъ фамилій въ Польшѣ, романическое приключеніе въ семьѣ Мнишка, отважный походъ на Россію, сверженіе царствующаго дома и принятіе на себя широкой политической миссіи съ участіемъ въ этомъ предпріятіи польской куріи и польскаго короля — все это не могло не показаться чѣмъ-то чудеснымъ, чтобы не вызвать обширную серію сказаній въ современной европейской литературѣ (на яз. польскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, англійскомъ и др.) и литературныхъ произведеній (въ формѣ драмъ и ро-

---

[1]) Принявъ во вниманіе раннее появленіе Самозванца, слѣдуетъ признать, что за шесть лѣтъ въ молодые годы человѣкъ можетъ много измѣниться. Если Пафнутій (архим. Чудова мон.) былъ удаленъ при Борисѣ и возведенъ въ митрополиты крутицкіе при Д. Самозванцѣ (Строевъ, 163; ср. Е. Н. Щепкина, 347—348), то это не лишено значенія. Участіе его въ вѣнчаніи Димитрія и Марины (Собр. госуд. грам., II, 138) и упрекъ, дѣлаемый ему въ потворствѣ послѣднему Аврааміемъ Палицынымъ, также имѣютъ смыслъ. Впрочемъ онъ сохранилъ свое положеніе и при Василіѣ Шуйскомъ (Рус. истор. Библ., XIII, 493, 500, 939). Епископы сарскіе (сарайскіе) и подонскіе съ полов. XV в. поселяются въ Москвѣ на Крутицахъ и получаютъ названіе крутицкихъ, удерживая и прежній титулъ. Крутицы ихъ подворье. Съ 1589 г. они получили санъ митрополита и обыкновенно завѣдывали дѣлами московской митрополіи. См. о томъ и м. Пафнутіѣ въ изслѣд. Н. А. Соловьева „Сарайская и Крутицкая епархія" (Чтен. въ Общ. ист. 1894, III, 7—9 и 63—65).

мановъ на тѣхъ же языкахъ), которымъ посвящены спеціальныя изслѣдованія[1]), далеко еще не исчерпывающія полнаго свода этихъ произведеній, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ. Перечень названныхъ произведеній тянется отъ Лопе-де-Веги, писавшаго подъ вліяніемъ „Повѣствованія“ Ант. Поссевина въ изд. Барецко (чудесное спасеніе Димитрія и его успѣхи занимаютъ главное мѣсто), вплоть до нашихъ дней, причемъ на литературныхъ произведеніяхъ отражалось современное освѣщеніе эпохи въ историческихъ изслѣдованіяхъ: Карамзинъ—Пушкинъ, противоположное тому—Хомяковъ, Костомаровъ—Островскій и т. д., до внушителя Василія Шуйскаго включительно (см. примѣч.).

Почти не было историка, который не касался бы такъ или иначе той или иной стороны разсматриваемой нами исторической драмы. Мы не будемъ распространяться объ этомъ, такъ какъ въ

---

[1]) А. А. Чебышевъ, Трагедія Шиллера изъ русской исторіи (Demetrius), Ж. М. Н. Пр. 1898, № 7, с. 49—95. А. М. Лукьяненко, Шиллеръ, Пушкинъ и Островскій въ изображеніи эпохи смутнаго времени на Руси (Унив. Изв. 1905, № 1, с. 1—47); ср. нашу реценз., Нов. изслѣд. по ист. смутн. врем. Москов. госуд. (Унив. Изв. 1889, №№ 5 и 6); Е. Ф. Шмурло, въ изд. Брокгауза „Соч. Шиллера“, о Д. Самозванцѣ въ литературѣ, III, 262—278; В. И. Масловъ, Рылѣевъ, 209—217. Драма Сумарокова была переведена на англ. языкъ А. Г. Евстафьевымъ (Demetrius the impostor, 1807). Сумароковъ въ своей драмѣ проводитъ идеи просвѣщенія XVIII ст. (Изв. Ак. Наукъ, 1913, I, 257 и д.). Царь-самозванецъ, драма на анг. яз. А. Б., близко держащаяся исторической традиціи,—Ист. В. 1894, № 7, с. 250. О трагедіи Галеви, Царь Димитрій,—Моск. Телегр. 1830, XVI, 552—563. Объ историч. драмѣ польск. писат. Новашинскаго, похваленной по характеристикѣ лицъ и эпохи,—Ист. В. 1910, № 8, с. 679. Въ первой четверти XIX столѣтія въ Иркутскѣ ставили драму „Д. Самозванецъ“, неизвѣстнаго стариннаго писателя (Р. Стар. 1905, № 7, с. 208, не Сумарокова). Мордовцеву принадлежитъ историч. романъ „Лжедмитрій“ (3-е изд. 1901). А. С. Суворинъ написалъ драму „Ц. Димитрій и ц-на Ксенія“ (въ Нов. Вр. 1902, № 304, онъ помѣстилъ ист. замѣтку о литературной родословной Димитрія), И. А. Купчинскій—драмат. хронику „Лжедимитрій-сватъ“, въ 4 д. и 6 карт. (см. Р. Стар., 1903, № 12, библіогр., с. 4). С. Минцлову принадлежитъ романъ „На зарѣ вѣка“, Спб., въ которомъ внушителемъ Самозванца является Вас. Шуйскій, соотвѣтственно высказанному нѣкоторыми мнѣнію въ исторіи (Ист. В. 1910, № 5, с. 721). — Отмѣтимъ еще „Лжедимитрій I“, трагедію въ 10 былинахъ, Новгор., губерн. типогр., 1864, 248 стр. О трагедіи кн. А. М. Бѣлосельскаго упоминаетъ Державинъ, написавшій на нее четверостишіе (III, 355). Кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, членъ рос. и болон. акад., сенаторъ и послан. въ Дрезденѣ и Туринѣ, любитель музыки и писалъ о ней. Драма Лопе-де-Веги „Великій князь московскій“, этюдъ С. Г. Ковалевской (сборн. Minerva, изд. Ист.-фил. семин. В. Ж. курсовъ въ Кіевѣ, I, 87—138).

свое время указывали на важнѣйшіе труды [1]). Въ 1755 г. на извѣстныхъ вольнодумцевъ, бр. Каржавиныхъ, проживавшихъ за границей, былъ сдѣланъ доносъ въ политическихъ и религіозныхъ отступленіяхъ, въ которыхъ они касались современныхъ событій и между прочимъ дѣлали такія сопоставленія: „Въ разговорахъ похвалялись восхищеніемъ высокихъ министерскихъ и сенаторскихъ чиновъ и на мѣсто Ал. Гр. Разумовскаго и разговаривали о Гришкѣ Растригѣ Отрепьевѣ, якобы неумѣючи поступилъ, можно бы лучшимъ образомъ иное дѣло безбѣдно докончить и удержать, что уже въ руки ему попало. Да говорили: „Какая это мудрость, чтобъ государствомъ править? Не было ли уже этихъ образцовъ въ свѣтѣ, что и изъ простаковъ великія государства управляли? Іосифъ патр. Іакова сынъ не изъ пастуховъ ли былъ? Принятъ отъ фараона на царство въ помощь ему. Давыдъ царь не пастухъ ли былъ? И еще къ намъ въ близкихъ временахъ: Галерій изъ чина пастушескаго, Маркіанъ изъ рядовыхъ солдатъ, Юстинъ послѣдняго пастуха сынъ—стали императорами и управляли имперіей лучше, нежели нѣкоторыя императорскія дѣти“ [2]).

Самое правительство не было чуждо изслѣдованія этой темной страницы русской исторіи. По вступленіи на престолъ, императрица Анна Іоан. заинтересовалась мощами ц-ча Димитрія, почему произведено было тогда изслѣдованіе [3]). Екатерина II интересовалась

---

[1]) См. Новыя изслѣд. по ист. смут. врем., К., 1889. Позже весьма обстоятельный обзоръ прежней литературы сдѣланъ въ трудѣ Д. И Иловайскаго (Смут. время, М., 1894, стр. 324—348), требующій теперь пополненія; изслѣдованія П. Пирлинга, Е. Н. Щепкина, С. Ѳ. Платонова, гр. С. Д. Шереметева, А. Яковлева (Сборн. Ключ.), В. Пичеты (Гол. Мин. 1913, № 2) и др.

[2]) Каржавины изъ раскольничьей торговой семьи, порвавшіе связи съ расколомъ, много путешествовавшіе за границей, проживавшіе и учившіеся въ Лондонѣ и Парижѣ, обладавшіе хорошей библіотекой и писавшіе сочиненія на ученыя темы. Часть книгъ ихъ попала въ Чертковскую и университетскую библіотеки въ Москвѣ. Доносъ на нихъ, поданный неизвѣстнымъ импер. Елисаветѣ Петровнѣ (Арх. кн. Воронцова, III, 308—322). Тутъ же В. К. предложеніе о коммерціи, поданное канцлеру и вторично напечатанное (тамъ же, XXXIV, с. 11–14). О Каржавиныхъ см. Р. Стар., т. XII, Н. П. Дурова (1875, т. XII, 655—659) и Ѳед. Вас. Каржавинъ, его же (272—277). Бумаги Арсеньева, 407—424. У Ѳ. В. Каржавина было собраніе русскихъ портретовъ (Опытъ рус. исторіогр., 1404). О русской грамматикѣ Е. Каржавина (Р. Арх. 1906, № 1, Рѣдкая француз. книга о русскомъ языкѣ, А. А. Титова, 174—176).

[3]) Архивъ св. Синода, по указанію одного изъ изслѣдователей.

личностью Д. Самозванца, бесѣдовала о немъ съ исторіографомъ Миллеромъ, который сказалъ, что только признаніе мощей Димитрія мѣшаетъ видѣть въ царствовавшемъ въ Москвѣ подъ его именемъ сына Ивана IV [1]). Нѣсколько позже извѣстная Загряжская говорила: „Не хочу умереть скоропостижно, придешь на небо какъ угорѣлая и впопыхахъ, а мнѣ нужно Господу Богу сдѣлать три вопроса: кто были Лжедимитрій, кто Желѣзная маска, и Шевалье д'Эонъ—мужчина или женщина? Говорятъ также, что Людовикъ XVII увезенъ изъ Тампля и остался живъ; мнѣ и объ этомъ надо спросить“ [2]). Кн. М. М. Щербатовъ колебался въ признаніи Самозванца Отрепьевымъ, утверждалъ, что онъ былъ подставленъ съ дѣтства (слѣдовательно былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ истинный Димитрій) и видѣлъ въ немъ ставленника враждебныхъ Борису Годунову бояръ [3]). Митр. Платонъ допускалъ, что онъ не Отрепьевъ и если даже онъ, то подготовленъ къ своей роли іезуитами [4]). А. Ѳ. Малиновскій отвергалъ тождество Самозванца и Отрепьева и склонялся къ мнѣнію м. Платона [5]). Карамзину приписывается двоякое мнѣніе, что Самозванецъ — настоящій Димитрій [6]), и высказанное въ исторіи, согласное съ принятымъ мнѣніемъ; но это требуетъ еще подтвержденія [7]). Погодинъ напечаталъ въ своемъ журналѣ извлеченіе изъ „исторіи“ Нѣмцевича, признававшаго (на основаніи собранныхъ тогда мнѣній) истинность Димитрія [8]) и печаталъ свои, въ которыхъ то оправдывалъ отъ подозрѣнія Бориса Годунова, то проводилъ мнѣніе м. Платона [9]), то давалъ мѣсто ста-

---

[1]) Записки Кокса (Р. Стар., т. XVIII, 320—321).

Послѣднему онъ заявилъ, что доводы его противъ обмана слабы и просилъ только не печатать его признанія до смерти, что Коксъ и исполнилъ. Екатерина II настаивала на опредѣленномъ отвѣтѣ, но Миллеръ уклонился, на что она только улыбнулась.

[2]) Рус. Архивъ, 1890, № 6, с. 282.

[3]) Рос. исторія, XIII, 204.

[4]) Ист. рус. церкви, II, 134.

[5]) Біогр. свѣдѣнія о кн. Д. Пожарскомъ, М., 1817, с. 12—15.

[6]) Р. Арх. 1910, № 12, с. 686 (со словъ кн. М. С. Воронцова).

[7]) См. нашу моногр. Карамзинъ-историкъ, Спб., 1913 (Остаф. Архивъ, т. V, вып. 2-й и отд.).

Кромѣ нападокъ современниковъ, рѣзкое сужденіе о мнѣніи Карамзина въ исторіи высказалъ Венелинъ въ письмѣ къ А. Хомякову по поводу его трагедіи „Д. Самозванецъ“ (Чт. въ Общ. ист. 1906, I, 569). Трагедія Хомякова напечатана вполнѣ въ Р. Арх. 1887, кн. II.

[8]) Моск. Вѣстн. 1829, ч. III, 127—142. Погодинъ велъ также горячій споръ съ Пушкинымъ въ защиту Б. Годунова.

[9]) Ibid., III, 90—126; 144—195.

тьямъ Арцыбашева противъ Карамзина, а послѣдній въ особомъ изслѣдованіи, въ дополненіе къ статьѣ Погодина, подвергъ разбору самое слѣдственное дѣло, гдѣ доказывалъ, что ц-чъ Димитрій, согласно съ послѣднимъ, самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, наткнувшись на ножъ [1]). Помѣщеніе означенныхъ статей вызвало угрозы редактору за то, что онъ „смѣлъ" напечатать замѣчанія на Карамзина [2]). Полемика эта причинила большія непріятности Погодину, какъ редактору, а впослѣдствіи страницы, относящіяся къ этому дѣлу, въ исторіи Арцыбашева были вырѣзаны и замѣнены простымъ изложеніемъ слѣдственнаго дѣла [3]), да и самъ Погодинъ иногда каялся въ своемъ вольномысліи [4]). Говорятъ, что императоръ Николай I то склонялся признать Самозванца истиннымъ Димитріемъ, то выходцемъ изъ Западной Россіи (южно-русскимъ шляхтичемъ) [5]). Вопросъ этотъ не переставалъ все-таки сходить со столбцовъ журналовъ [6]). Бередниковъ первый заподозрилъ „Извѣтъ" свидѣтеля противъ Самозванца—мон. Варлаама, что нашло себѣ поддержку [7]) въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Сомнѣнія становились общими, такъ что ихъ не избѣжалъ и пресловутый В. И. Аскоченскій въ періодъ своихъ увлеченій модными вопросами [8]). Такимъ образомъ стало все чаще высказываться раздѣ-

---

[1]) Ibid., 1830—31, II, № 7. О кончинѣ ц-ча Димитрія (перепеч. въ Р. Архивѣ 1886, III, № 11, с. 274—284).

[2]) Моск. Вѣстн. 1828, № 24.

[3]) Наша статья: „Арцыбашевъ и Устряловъ" (Р. Арх. 1886, № 12, с. 523—527). Также въ нашей статьѣ въ „Словарѣ" Венгерова (Арцыбашевъ).

[4]) Въ дневникѣ, коснувшись своей болѣзни (переломъ ноги), онъ замѣтилъ: „не наказаніе ли это свыше за сужденія о царевичѣ Димитріѣ" (Барсуковъ, XV, 131; ср. IX, 434; X, 71; XI, 480; XII, 393).

[5]) П. И. Бартеневъ со словъ бар. Л. К. Боде (Р. Арх., 1903, № 5, с. 84) и Записки Смирновой (Бестужевъ-Рюминъ, 20, 30).

[6]) Лжедимитрій, А. Л. Комарницкаго (Современ. 1846, № 10). В. И. Красовъ, поэтъ и одно время преподаватель литературы въ Кіевск. унив., напечаталъ статью въ Москвит. 1848, № 9, с. 42—50, направленную противъ мнѣнія Соловьева (Нѣсколько словъ противъ г. Соловьева о Д. Самозванцѣ) за отношеніе его къ Карамзину, восхищаясь, однако, личностью Д. Самозванца. Впрочемъ, въ мнѣніи его о Соловьевѣ слышится отзвукъ враждебныхъ чувствъ самого редактора (см. Воспомин. Соловьева) — Погодина. В. Лядовъ (Ж. М. Н. Пр. 1856, № 3) повторяетъ, напротивъ, обычныя тогда мнѣнія. М. А. Мамоновъ (Р. Арх. 1894, № 2, с. 286) и Ден. Вас. Давыдовъ признавали (Р. Стар. XLIII, 136) Димитрія истиннымъ или видѣли въ немъ предшественника Петра В. и несочувственно относились къ ц. Шуйскому.

[7]) Ж. М. Н. Пр., ч. VII (1836), 119.

[8]) См. его Дневникъ (Ист. В. 1882, № 2, с. 331—332).

леніе ролей Самозванца и Отрепьева [1]). Соловьевъ, держась „Извѣта“ и „Отрепьева“, настаиваетъ на убѣжденности Самозванца въ своемъ призваніи и видитъ въ немъ предшественника Петровской реформы [2]), но слишкомъ рано явившагося на сценѣ исторіи. Костомаровъ въ особомъ изслѣдованіи выставилъ рядъ пунктовъ противъ Самозванца, какъ Отрепьева [3]), и въ пользу его убѣжденности въ своей роли, тогда же признанныхъ весьма слабыми, а въ послѣдующихъ статьяхъ и въ большомъ трудѣ о смутномъ времени [4]) значительно ограничиваетъ прежніе выводы и отказывается отъ основной точки зрѣнія Соловьева. Его антагонистъ Бицынъ (Н. М. Павловъ) утверждаетъ, что бояре готовили одного (Отрепьева), а іезуиты, въ интересахъ уніи, выставили другого [5]). Бестужевъ-Рюминъ также замѣчаетъ: „Что Разстрига во многомъ предшественникъ Петра, это для меня несомнѣнно, какъ и то, что онъ сознавалъ себя царемъ, что, конечно, много говоритъ за его подлинность“ [6]). Н. Левитскій значительно ослабилъ религіозныя тенденціи Самозванца въ пользу католицизма [7]).

---

[1]) Мериме, Épisode de l'histoire russe, Les faux Démétrius, P., 1854. По его мнѣнію, Самозванецъ—украинскій казакъ; ср. рец. А. Зернина (Библ. для Чтен. 1854, т. CXCVII, стр. 1—64). 1-ое изд. (1852) его монографіи было переведено на нѣмецкій языкъ. Писали также о Д. Самозванцѣ авторъ нѣмец. исторіи Россіи Германъ (Neue Jahrbücher der Gesch. und Politik, 1844) и проф Спб. пед. инст. Фр. Лоренцъ (лекція, чит. въ Боннѣ въ мартѣ 1861), Berl. 1862—карамзинское изложеніе событій. Д. Самозванцу посвящена и статья въ Энциклопедіи Эрша и Грубера.

[2]) Исторія, IX, 471.

[3]) Кто былъ первый Лжедимитрій (Спб., 1864). О рецензіяхъ см. въ библіогр. Ламбиныхъ и Межова, между прочимъ И. В. Лашнюкова (Кіевлянинъ, 1865, №№ 82 и 83: Рѣшенъ ли вопросъ о первомъ Самозванцѣ? По поводу статей, вызванныхъ изслѣд. Костомарова).

[4]) Смутное время Моск. госуд., т. I.

[5]) Полемика ихъ въ Днѣ 1865, № 15 (переп. въ Р. Арх. 1886, № 8) и Голосѣ 1865 (№№ 6, 20, 30, 56) Повидимому, Ключевскій примыкалъ къ этому мнѣнію—появленія одного вмѣсто другого (письмо къ гр. С. Д. Шереметеву, Р. Арх. 1913, № 7); но онъ оставлялъ вопросъ открытымъ. Д. Ровинскій въ своемъ Словарѣ даетъ рядъ портретовъ Д. Самозванца и по физіогномическимъ признакамъ заключаетъ, что царствовавшій Димитрій былъ сынъ Ивана IV (т. IV, 336—338; о сынѣ Марины, 339), но этотъ выводъ противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ изображеніямъ.

[6]) „Подъ Разстригой я никогда не разумѣлъ Отрепьева“ (Письма, 17, 30, 53, 63).

[7]) Хр. Чт. 1883, сент.—окт. Гдѣ, когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедимитрій? Также: Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ. Истор.-крит изслѣд. (Хр. Чт. 1885, май—іюнь, сент.—окт.; 1886, янв.—февр., іюль—авг. и отд.).

Раздѣленіе ролей Самозванца и Отрепьева казалось столь уже яснымъ, что въ этомъ направленіи идутъ еще и другія изслѣдованія, въ различной ихъ постановкѣ [1]), такъ что пришлось признать, что теперь едва ли кто можетъ еще вѣрить въ тождество Самозванца и Отрепьева (Бестужевъ-Рюминъ [2]), Иловайскій). Тѣмъ не менѣе П. И. Казанскій въ обширномъ и тщательно подобранномъ изслѣдованіи [3]) далъ обстоятельный сводъ извѣстій и доводовъ въ защиту прежняго мнѣнія, и эта точка зрѣнія нашла мѣсто въ позднѣйшемъ трудѣ— Пирлинга о Димитріѣ Самозванцѣ. Къ этому же направленію примыкаютъ и нѣкоторые позднѣйшіе труды [4]).

Позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Въ 1898 году въ Обществѣ Нестора лѣтописца былъ сдѣланъ докладъ А. А. Дмитріевскимъ: „Вновь открытые мемуары архіеп. Арсенія Елассонскаго (потомъ суздальскаго) о смутномъ времени“ [5]), по поводу которыхъ мы сдѣлали тогда замѣчанія относительно неточности сообщаемыхъ въ нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и между прочимъ подробностей, сопровождавшихъ обрядъ вѣнчанія. Такъ какъ Е. Н. Щепкинъ упоминаетъ о выпискѣ изъ „Требника“, касающейся причащенія Марины по православному обряду, то мы помѣщаемъ выписку здѣсь изъ „Потребника иноческаго“ (М. 1639 г.), сообщенную намъ тогда А. И. Соболевскимъ, по экз., принадлежащему И. Публич. библ. По поводу собора 1620 г. въ ней читаемъ (л. 214): „И припомянухъ ему о Игнатіи патріархѣ, иже бысть во дни наша, отъ него же смута о томъ же о крещеніи еретическомъ первое явися,

---

[1]) Е. Н. Щепкинъ, Архивъ Ягича, т. XIX, XXI, XXII; Изв. Ист.-Фил Общ. при Новорос. унив., т. VII, О Д. Самозванцѣ, сообщ., 039—42; т. VIII. Краткія извѣстія о Лжедимитріѣ I, 515—526 — докум. иностран. архивовъ, челобитная Отрепьевыхъ ц. Алексѣю Мих. по Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Авторъ раздѣляетъ Отрепьевыхъ (двухъ монаховъ)—Григорія и Германа. Біографіи ихъ расходятся въ розыскѣ Бориса Годунова и В. Шуйскаго. Назвавшійся Димитріемъ жилъ въ Чудовомъ мон., неизв., б может, царскаго происхожденія (незакон.) и воспитанъ въ семьѣ Отрепьевыхъ, но онъ не былъ истиннымъ Димитріемъ. Т. IX. Политика папскаго престола въ смутное время, 341—372. Гр. С. Д. Шереметевъ, напротивъ, склоняется къ противоположному мнѣнію, въ разысканіяхъ котораго съ особенной настойчивостью поддерживалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

[2]) Письма, см. выше.

[3]) Рус. Вѣстн. 1877, №№ 8—10.

[4]) С. Ѳ. Платоновъ, Статьи по русской исторіи, изд. 2-ое, Спб., 1912. П. Васенко (Лжедимитрій первый, въ Словарѣ И. Р. Ист. Общ. 1915 г.).

[5]) Труды Кіев. Духов. Акад. 1898 г. и отд. книгой.

егда въ лѣто ҂ѕрді, грѣхъ ради нашихъ Господу Богу попустившу, и царствующій градъ Москву лестію и мечемъ пріятъ розстрига чернецъ Гришка Отрепьевъ, патріархъ же Игнатей, угожая еретикомъ латыньскія вѣры, и въ церковь соборную Пресвятыя Владычеца нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго ея успенія введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ же крещеніемъ совершенымъ христіаньскаго закону *не крестивъ ю*, но токмо *единѣмъ святымъ миромъ помаза*, а потомъ вѣнчавъ ю съ тѣмъ розстригою; и якоже Июда предатель и сей поругася Христу, и обоимъ убо симъ врагомъ божіимъ розстригѣ и Маринкѣ попаде пречистое тѣло Христово ясти (л. 215) и святую и честную кровь Христову пити. Его же Игнатія за таковую вину священноначалніцы великія святыя церкви російскія, яко презрѣвшаго правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъ престола и отъ святительства по правиломъ святымъ изринуша въ лѣто ҂ѕрді".

Вопросъ о перекрещиваніи имѣетъ свою исторію. Въ XII вѣкѣ въ Греціи употреблялось простое мνропомазаніе, не имѣвшее значенія перекрещиванія, и церковные писатели на обвиненіе въ томъ отвѣчали отрицаніемъ. Даже въ 1720 году, на запросъ изъ Россіи, патр. Іеремія III отвѣчалъ, что въ Константинополѣ не перекрещиваютъ даже лютеранъ и кальвинистовъ и только въ 1756 году тамъ пришли къ другому рѣшенію по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, котораго держатся и до сихъ поръ [1]). Въ началѣ XVI в. въ Польшѣ одинаково крестили язычника, іудея и русина, хотя тогда же высказывался и иной взглядъ [2]). Въ XV—XVI в. въ Москвѣ перекрещивали [3]), но это не было правиломъ. Перекрещиваніе, введенное патр. Филаретомъ (1620), было отмѣнено соборомъ 1667 г. [4]). Пере-

---

[1]) Виз. Времен. 1894, I, 86—87. Ср. соч. 2-ой полов. XVIII стол. Аѳанасія Парійскаго о необходимости крестить возвращающихся изъ латинства (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 7, Аѳон. катал., 141). Замѣчаніе еп. Порфирія (Успенскаго) о грекахъ въ отличіе отъ Россіи (Книга бытія моего, подъ 12 мая 1854 г.; Р. Арх. 1911, № 1, с. 46).

[2]) М. Смирновъ, Ягелло-Владиславъ, 166.

Брошюра перемышльскаго каноника Станисл. Оржеховскаго, изд. въ 1543 г., „Крещеніе русскихъ", вызвала негодованіе (Вѣстн. Евр. 1885, № 9, с. 39). Ср. Рус И. Биб. VIII, 429 469—70.

[3]) Пирлингъ, Россія и Востокъ, 32.

[4]) Предварит. переговоры по этому дѣлу съ греческимъ духовенствомъ (Макарій, XII, 197 и 786).

крещиваніе же Марины было дипломатически обойдено[1]). Сынъ Марины при второмъ Самозванцѣ съ допущенія іезуитовъ былъ крещенъ по православному обряду[2]). Папа Павелъ V дозволилъ Владиславу IV пріобщаться по этому же обряду и короноваться греко-уніатскими епископами[3]). Такимъ образомъ политика въ признаніи римской куріи взяла вполнѣ верхъ надъ церковнымъ разномысліемъ, и въ этомъ отношеніи „унія" имѣетъ вполнѣ политическій характеръ и, когда отстаиваютъ ее нѣкоторые писатели, какъ принадлежность Руси, то всегда подразумѣваютъ политическую цѣль.

IX.

Современная лѣтопись свидѣтельствуетъ о множествѣ бывшихъ въ Московскомъ государствѣ самозванцевъ[4]), отмѣченномъ и историкомъ[5]). Такое явленіе дало право другому историку замѣтить, что самозванцами особенно изобилуетъ русская исторія[6]). Соловьевъ пытался выяснить этотъ вопросъ на основаніи всей совокупности примѣровъ и пришелъ къ заключенію, что Д. Самозванецъ представляетъ исключительное явленіе (убѣжденность), причемъ обыкновенно самозванство поддерживалось существованіемъ такой противоправительственной среды, какимъ было казачество, неизвѣстное въ другихъ странахъ[7]). Другіе ищутъ разъясненія его въ общественныхъ условіяхъ и народной психологіи[8]).

---

[1]) Арсеній Елас. и Потребникъ. По указанію польскихъ источниковъ (дневн. т. н. Нѣмоевскаго и посол. Ник. Олесницкаго у Гиршберга, 237, пр. 2; Днев. Нѣм. въ его изд., с. 50; въ изд. Титова, III и д.), Марина пріобщалась въ день коронаціи. Замѣч. Е. Н. Щепкина (Лѣт. Ист.-Фил. Общ., IX, 360—371). Патр. Никонъ Игнатія „патріархомъ" признавалъ (Макарій, XII, 295—296; ср. X, 122—123).

[2]) Сливовъ, Іез. въ Литвѣ, 1875, № 9, 49.

[3]) Р. Стар. 1901, № 11, с. 368. И о. Цирлингъ справедливо видитъ въ тогдашнихъ стремленіяхъ куріи именно унію.

[4]) Врем. Общ. ист., V, 59.

[5]) Соловьевъ, VIII, 193 (до 12).

[6]) A. Brückner, Beitr. z. Kulturgesch. Russlands, Leipz., 1887. (гл. I — Zur Naturgesch. der Prätendenten).

[7]) Замѣтки о самозванцахъ въ Россіи, С. Соловьева (Р. Арх. 1868, стр. 272—281). Замѣчанія на статью, А. А. Майкова (Всемір. Трудъ, 1868, № 4, стр. 65—86). Вопросы нерв.-псих. медиц., т. II, І. А. Костецкій, Къ психологіи самозванцевъ.

[8]) Современная самозванщина, В. Короленка (Рус. Богат. 1896, № 5 и 7).

Постараемся разсмотрѣть это явленіе съ общей точки зрѣнія. Какъ извѣстно, въ Персіи въ к. царст. Камбиза захватилъ престолъ лидійскій магъ Бартья—Лжесмердисъ. Успѣхъ его объясняется убійствомъ брата царемъ Камбизомъ (Смердиса), отличавшагося лучшими качествами передъ нимъ; онъ нашелъ поддержку въ войскѣ, но ему помогло и *сходство* внѣшнее и самое имя убитаго. Онъ успѣлъ процарствовать семь мѣсяцевъ, благодаря милостивому правленію послѣ жестокаго Камбиза, пока обманъ не былъ открытъ.—Въ нач. царств. Тиберія въ Римѣ составился заговоръ въ пользу Агриппы Постума, сосланнаго Августомъ, во главѣ котораго поставили бывшаго слугу его Клеменса. Убійство Агриппы предупредило осуществленіе замысла, но Клеменсъ, пользуясь *сходствомъ* со своимъ господиномъ, рѣшился самъ воспользоваться случаемъ и, благодаря покровительству могущественныхъ соучастниковъ, онъ нашелъ поддержку въ Италіи, но Тиберію удалось его захватить, и онъ былъ казненъ [1]). Во время борьбы имп. Фридриха II съ папствомъ составилась легенда о царствѣ антихриста, которая была перенесена на него и, когда онъ умеръ, то сложилось мнѣніе, что онъ скрылся и долженъ явиться, и вотъ въ концѣ XIII в. и потомъ въ царствованіе Людвига Баварскаго появляется множество Лже-Фридриховъ, которые называли себя Фридрихомъ II. Послѣдній изъ нихъ былъ бѣдный портной, появившійся уже въ 1546 году. Между тѣмъ, когда недовольство Людвигомъ Баварскимъ возбудило общее негодованіе, то въ Бранденбургѣ, сохранявшемъ хорошія воспоминанія о маркграфѣ Вальдемарѣ, нашелся человѣкъ, который заявилъ, что подъ его именемъ былъ похороненъ другой человѣкъ, а онъ уѣхалъ въ Палестину и провелъ въ покаяніи 28 лѣтъ, теперь же явился, чтобы избавить государство отъ иноплеменнаго ига. Въ подтвержденіе сказаннаго онъ ссылался на золотой *перстень съ печатью* и сообщалъ весьма правдоподобно факты о Вальдемарѣ и другихъ лицахъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Самозванецъ нашелъ поддержку у магдебургскаго архіепископа и нѣкоторыхъ герцоговъ, которые собрали войско, и многіе приняли его сторону, по недовольству баварскимъ владычествомъ. Покровительствовавшія ему лица знали лживость этого дѣла; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ много приверженцевъ. Лже-Вальдемаръ успѣлъ овладѣть почти всѣмъ государствомъ и когда онъ утратилъ поддержку,

---

[1]) Герод., Ктезій, Юстинъ, Бегист. надп. (Масперо); Tac. Annal., II, 39, 40.

то нашелъ пріютъ у ангальтскихъ князей въ Дессау и продолжалъ пользоваться почестями, а м. гр. Людвигъ возвратилъ себѣ власть. Говорятъ, что этотъ самозванецъ былъ мельникъ Яковъ Ребокъ, *походилъ лицомъ* на Вальдемара и принялъ на себя эту роль по *внушенію* нѣкоторыхъ герцоговъ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался успѣхомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (1348—49 г.г.)[1]. Подъ именемъ сына Людовика XVI — Людовика XVII насчитывается до 40 претендентовъ, появлявшихся во Франціи, Германіи и Америкѣ, и нѣкоторые изъ нихъ вели удачно процессы. Есть версіи съ *подмѣномъ*, какъ дочери Наполеона и Луизы, замѣненной сыномъ[2]; между тѣмъ въ Италіи появился самозванецъ, поваръ по профессіи, который утверждалъ, что его подмѣнили, когда везли изъ Франціи въ Вѣну, и что онъ есть именно герцогъ Рейхштадскій. Въ послѣднее время появлялся также потомокъ старыхъ царей болгарскихъ, предлагавшій въ свое подтвержденіе серію *документовъ*, но ему уже не повѣрили[3].

Въ ряду этихъ претендентовъ на титулы и престолы особенное вниманіе заслуживаютъ Варвикъ (Уоруикъ) въ Англіи[2]), Ивонія въ Молдавіи и донъ Себастіанъ въ Португаліи, на которыхъ полезно нѣсколько остановиться, какъ близкихъ по времени и условіямъ.

Въ царствованіе Генриха VII, имѣвшаго уже сына, было много недовольныхъ въ Ирландіи, а потому онъ опасался привязанности ея къ іоркскому дому, единственнымъ мужскимъ потомкомъ котораго былъ 15-лѣтній сынъ герц. Кларенса—графъ Эд. Варвикъ (Уоруикъ), заключенный королемъ въ Тоуэръ. Хотя возстанія въ разныхъ частяхъ государства были подавлены, но опасенія продолжали существовать, и въ концѣ 1486 г. въ Дублинѣ снова вспыхнуло возстаніе, гдѣ одинъ священникъ выдалъ сына ремесленника (Симнель) за гр. Варвика, отецъ котораго былъ долгое время вице-королемъ Ирландіи. *Наученный* тайнамъ, касающимся іоркскаго дома, онъ нашелъ *поддержку* въ средѣ даже знатныхъ лицъ. Такимъ образомъ его объявили королемъ Англіи и Франціи и повелителемъ Ирландіи, подъ именемъ Эдуарда VI; несмотря на принятыя королемъ мѣры и даже представленіе настоящаго Варвика, графъ Линкольнъ, получивъ въ Нидерландахъ отрядъ войска и деньги для поддержки возстанія, въ

---

[1]) Подробно у К. Клёдена.
[2]) Ист. Вѣстн. 1908, № 10, с. 326—329; Рус. Стар. 1912, № 12, 333.
[3]) Berlin. Tageblatt, Köln. Zeitung (Кіевл. 1895, № 248).

мартѣ 1487 г., высадился въ Дублинѣ и *короновалъ* мнимаго графа королемъ Англіи, воспользовавшись вмѣсто короны вѣнцомъ съ образа Богородицы. Послѣ этого Линкольнъ отправился съ войскомъ въ Англію (въ іюнѣ), гдѣ въ кровопролитномъ бою пало много знатныхъ лицъ и самъ Линкольнъ. Послѣ этого самозванецъ былъ взятъ на королевскую кухню, а потомъ зачисленъ въ штатъ сокольниковъ. Виновные потерпѣли конфискацію имуществъ, но король не прибѣгъ къ болѣе суровымъ наказаніямъ. Однако партія іоркской династіи не унималась, и въ 1492 г. нѣкто Петръ Осбекъ (въ англ. передѣлкѣ Перкинъ Уорбекъ), молодой красивый человѣкъ, имѣвшій нѣкоторое *сходство* съ Эдуардомъ IV, *наученный* языкамъ и рыцарскому искусству, а также посвященный въ *свѣдѣнія* іоркскаго дома, подъ покровительствомъ Маргариты фландр., сестры Эдуарда, и др. лицъ, былъ выставленъ въ качествѣ сына послѣдняго и, при поддержкѣ французскаго короля, дѣло это могло получить широкіе размѣры, но вскорѣ оно разстроилось, причинивъ, однако, рядъ возстаній, поддержанныхъ знатными лицами и народомъ. Послѣ неудачи въ Англіи и Ирландіи, Перкинъ нашелъ поддержку у Іакова IV въ Шотландіи, который женилъ его на лэди Гордонъ и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ его права, но вскорѣ заключилъ миръ съ Генрихомъ (въ іюлѣ 1497 г.). Перкинъ же продолжалъ свое дѣло и объявилъ себя королемъ Ричардомъ IV, а когда сдался королю, то выдалъ подробности своего дѣла и его виновниковъ, о чемъ было объявлено народу. Помилованный на этотъ разъ, онъ былъ посаженъ въ Тоуеръ, гдѣ вошелъ въ соглашеніе съ гр. Варвикомъ, послѣ чего былъ повѣшенъ, а Эдуардъ Варвикъ казненъ на эшафотѣ (1499). На этотъ разъ преслѣдованіе сторонниковъ іоркскаго дома сопровождалось болѣе жестокими мѣрами. Такъ закончилась война алой и бѣлой розъ[1]).

Нигдѣ, однако, не было такого числа самозванцевъ, какъ въ Молдововалахіи, ставшей ареной вмѣшательства со стороны Турціи, Польши и южнорусскаго казачества. И вотъ въ послѣдней четверти XVI в. задумалъ было воспользоваться этимъ правомъ нѣкто Ивонія (Иванъ), человѣкъ темнаго происхожденія, считавшійся русскимъ, полякомъ или румыномъ. Онъ объявилъ себя сыномъ господаря Стефана и потомкомъ древнѣйшихъ молдавскихъ царьковъ. Его *воспитали* польскіе паны и турецкіе паши. Въ Турціи онъ принялъ ма-

[1]) Lingard, History of England; B. Pauli, Gesch. v. England. Генриху много вредила неясность утвержденій о Перкинѣ (какъ и Борису).

гометанство и пріобрѣлъ поддержку противъ господаря Богдана, преданнаго полякамъ. Пробравшись въ Яссы въ роли купца, но заранѣе заручившись *содѣйствіемъ* приверженцевъ, онъ успѣлъ захватить престолъ (1572). На первыхъ же порахъ онъ заявилъ себя необузданной жестокостью, однако его сопернику Богдану не удалось достигнуть цѣли. Нѣкоторое время Ивонія ловко лавировалъ между поляками и турками, но соперникъ валашскаго господаря, Петръ, нашелъ поддержку въ Турціи, послѣ чего послѣдній прибѣгнулъ къ помощи казаковъ. Послѣ жестокаго сопротивленія, вслѣдствіе измѣны, ему пришлось сдаться и сложить свою голову подъ мечами турокъ (1574) [1].

Нѣсколько позже на другомъ концѣ Европы, подъ вліяніемъ покоренія Португаліи Филиппомъ II испанскимъ, въ послѣдней воспоминанія о прежней династіи дали толчекъ *молвѣ*, что король Себастіанъ *живъ* и явился въ Португалію, чтобы возстановить ея національную независимость. Такимъ образомъ во все царствованіе Филиппа авантюристы являлись одинъ за другимъ, несмотря на то, что послѣдній при покореніи Португаліи (1580) распорядился привезти тѣло короля и похоронить его въ родной землѣ. Трое обманщиковъ, появлявшихся въ теченіе 10 лѣтъ (1585—1595), были ремесленниками. Движенія эти не принимали тогда широкихъ размѣровъ и сопровождались смертными казнями и ссылками. Тѣмъ не менѣе въ концѣ царствованія Филиппа появляется новый самозванецъ въ Венеціи, возбудившій вниманіе въ Европѣ и встрѣтившій радушный пріемъ въ Португаліи. Онъ разсказывалъ о своемъ спасеніи въ алькассарской битвѣ, о странствованіяхъ по Востоку и о появленіи своемъ въ Венеціи, откуда былъ высланъ по требованію испанскаго правительства. На пути въ Португалію, онъ былъ схваченъ во Флоренціи, выданъ неаполитанскому вице-королю и преданъ военному суду. Уличенный въ обманѣ, самозванецъ былъ отправленъ въ Испанію и умеръ тамъ въ темницѣ. Любопытно, что онъ поддерживалъ вѣру въ свое происхожденіе *сходствомъ* съ королемъ Себастіаномъ и *знакомствомъ съ порядками* лиссабонскаго двора, и

---

[1]) А. Трачевскій, Польское безкоролевье, 35—45; Костомаровъ, Иванъ Свирговскій (Ист. моногр., II, 1—37). Палаузовъ, Румынскія господарства—Валахія и Молдавія, Спб., 1859.

это привлекло къ нему приверженцевъ, которые готовы были освободить его и печатали статьи въ защиту его происхожденія[1]).

Рядъ приведенныхъ примѣровъ въ связи съ данными о русскихъ самозванцахъ показываетъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ всегда находятся соотвѣтственныя политическія условія: династическія и общественныя, являющіяся необходимой поддержкой, безъ которыхъ успѣхъ предпріятія не могъ бы быть обезпеченнымъ. Даже въ такихъ широкихъ движеніяхъ, съ преобладающимъ соціальнымъ характеромъ, какъ бунты Стеньки Разина и Пугачева, вожди ихъ все-таки опирались на необходимыя для того имена (въ первомъ случаѣ ц-ча Алексѣя и патріарха Никона, во второмъ — Петра III, Павла Петровича и сонмъ придворныхъ лицъ). Длинный рядъ самозванцевъ начала XVII вѣка, въ XVIII вѣкѣ и въ первой четверти XIX (въ моментъ декабристовъ—подъ именемъ Константина Павловича)[2]) постоянно связывается съ тѣмъ или другимъ именемъ, завѣдомо таинственнымъ или опальнымъ. Не менѣе существенную роль играютъ при этомъ слухи, своего рода воспитаніе, подготовка другими, заинтересованными лицами, наставленіе въ извѣстныхъ пріемахъ и соотвѣтственной обстановкѣ. Это ясно даетъ себя чувствовать въ такихъ случаяхъ, какъ самозванство Лубы[3]) и Таракановой[4]) и какъ видно, на приведенныхъ выше примѣрахъ. Къ этому присоединяются еще внѣшніе признаки, настоящіе и мнимые, но удачно употребленные въ дѣло, письменные документы, подтверждающіе права, или даже простые знаки (печати), имѣющіе значеніе въ глазахъ не всегда разбирающейся толпы, которая не менѣе легко поддается утвержде-

---

[1]) Заслуживаетъ упоминанія, что Климентъ VIII, получивъ извѣстіе о появленіи ц-ча Димитрія, отмѣтилъ на немъ, что быть ему въ родѣ Себастіана Португальскаго (Е. Н. Щепкинъ, Политика папъ, Лѣтоп. Ист.-филол. Общ., IX, 355), D'Antas, Les faux Don Sébastien, P. 1865.

[2]) См. наше изслѣд. „Крестьянское движеніе въ Кіевской губ. въ 1826—27 г.г." (см. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго, т. I).

[3]) См. Дневникъ игум. Аѳанасія Филипповича (Рус. истор. Библ., V, 49—156); біогр. его, О. И. Левицкаго (Ун. Изв. 1878, № 5); Моногр. Костомарова (т. XIV); А. Станкевича, Пам. рус. стар. Н. Батюшкова (т. VIII); Samozwaniec Jan Faustyn Luba, pr. A. Kraushara, W., 1892 (71 стр.).

[4]) Дѣло ея (Чт. въ Общ. ист. 1867, кн. II и III. П. И. Мельниковъ, Кн. Тараканова и принц. Владимірская, Спб. 1868.

Вообще см. соч. Есипова, Мордовцева, Костомарова, А. Барсукова, Макушева (Ст. Малый); о мнимомъ гр. Шляковѣ, пол. XVII в. (Родъ Шереметевыхъ, III и IV)—примѣръ крайняго легковѣрія въ правительственной сферѣ.

ніямъ болѣе свѣдущихъ, хотя бы и заинтересованныхъ лицъ, какъ и слухамъ, успѣшно дѣйствующимъ въ моменты возбужденнаго настроенія страны. Тутъ уже дѣйствуютъ и внушеніе, и подражаніе вмѣстѣ [1]).

Условія, благопріятствовавшія признанію перваго самозванца, не выходятъ изъ ряда указанныхъ нами выше, и если успѣхъ здѣсь оказался болѣе очевиднымъ и обезпеченнымъ, то это объясняется обстоятельствомъ, на которое еще въ то время указалъ Смитъ (см. выше), а самое вниманіе къ нему въ литературѣ и исторіи обусловливается болѣе широкимъ кругомъ его дѣйствій.

Заставъ сферу политическихъ отношеній значительно подготовленной предшествующими правителями, Самозванецъ успѣлъ втянуть въ интересы московской политики Востокъ и Западъ (сношенія частію осуществленныя или намѣченныя съ Швеціей, Франціей, Англіей, Польшей, Германіей), а папскій престолъ, державшій тогда дипломатическія нити политическаго міра, раскрывалъ предъ нимъ широкую перспективу въ борьбѣ съ Турціей [2]), между тѣмъ, какъ внутреннія усобицы въ Польшѣ (заговоръ Зебржидовскаго и рокошъ) увѣнчивали недавнюю програму — соединенія обоихъ государствъ; но все это намѣчено было раньше и близкіе совѣтники, окружавшіе престолъ Самозванца, могли быть въ такомъ случаѣ опытными руководителями. Если бы истинность царствовавшаго лица оказалась несомнѣнной, то его ошибки и увлеченія не были бы въ силѣ поколебать престолъ, послѣ того, какъ Иванъ Грозный не привыкъ стѣсняться въ выборѣ средствъ; но шаткость положенія не позволила Самозванцу упрочиться, какъ и позднѣйшему его подражателю при лучшихъ условіяхъ, по удачному сравненію Шлецера. Какъ мы видѣли, ни одинъ изъ признанныхъ самозванцевъ не удержался на высотѣ своего положенія, и такая же участь постигла перваго Самозванца въ Россіи (хотя и видятъ въ немъ предшественника Петра Великаго) [3]), у котораго былъ единственный недостатокъ — молодость,

---

[1]) Тардъ, Законы подражанія, Спб., 1892; С. Сигеле, Преступная толпа, Новг., 1893; Рибо, Воля, Спб., 1894.

[2]) То были традиціи Рима, постоянно выступавшаго съ планами противъ Турціи (въ 1571 г. состоялась 13 лига въ Европѣ, уступившая потомъ свое мѣсто торговымъ интересамъ западныхъ державъ — Франціи и Англіи). Россія также входила въ разсчеты Рима.

[3]) Соловьевъ, IX, 471.

отъ котораго онъ не успѣлъ отдѣлаться [1]. Заключимъ наши замѣтки.

Еще въ 1865 году мы указывали на необходимость пересмотра всѣхъ данныхъ, касающихся предложеннаго вопроса, изслѣдованіе котораго дало впослѣдствіи обширную и разнообразную литературу. Затѣмъ (1896) на необходимости полнаго изданія документовъ настаивалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [2], и хотя въ послѣднее время многое уже издано, на основаніи русскихъ и иностранныхъ архивовъ, но все-таки остается въ силѣ недавно высказанное пожеланіе одного изъ усердныхъ изслѣдователей въ области этого вопроса, предлагающаго, наконецъ, установить регесты смутнаго времени, а также инвентарь всѣхъ фактовъ по источникамъ съ критическимъ конспектомъ извѣстій о каждомъ отдѣльномъ фактѣ [3]. Съ своей стороны мы вполнѣ присоединяемся къ этому пожеланію. Подобный трудъ значительно приблизитъ насъ къ рѣшенію самаго вопроса.

В. Иконниковъ.

15 сентября 1915 г.
Кіевъ.

---

[1]) Письма Бестужева-Рюмина, 38.
[2]) Ibid., 14—15, 70.
[3]) Е. Н. Щепкинъ (Голосъ Минувш., 1913, № 10, стр. 279—284).

ПОПРАВКИ:

Страница:	Строка:	Напеч.:	Слѣдуетъ:
9	14 сн.	Смытово	Смыново
11	4 сн.	Родосл.	Родъ
13	22 св.	(Горсей)	(Реннеръ)
18	8 сн.	Домна	Вѣра
—	12 сн.	1916 г.).	1914, № 3).

